
18+
Подсказок
больше нет
Светлана Волкова

Светлана Волкова

Подсказок больше нет. Роман

«Издательские решения»

Волкова С. В.

Подсказок больше нет. Роман / С. В. Волкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537292-5

Если бы пятнадцатилетнему Косте сказали, во что выльется его задумка, он бы ни за что не поверил. Ну придумал, будто бы принадлежит к какой-то неизвестной субкультуре, и что такого? И удивился, когда он обнаружил, что плод его фантазий начал жить своей жизнью. Герою предстоит во многом разобраться самому — и с тем, кого выбирать в друзья в новой школе, и как избежать столкновений с одноклассниками, и с тем, как сделать первый шаг к девочке, в которую влюблён. Но уже самому. Без подсказок.

ISBN 978-5-00-537292-5

© Волкова С. В.
© Издательские решения

Содержание

Светлана Волкова 6
Глава 1. ДОБ ДЖИБОБ 7
Глава 2. КАЛИБРОВКА ПОФИГИЗМА 15
«БОЛЬШАЯ КНИГА ДЖИБОБА» 22
Глава 3. ЮЛЬХЕН 24
Глава 4. МОМЕНТ ВЗРОСЛЕНИЯ 32
Глава 5. КЭТ 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Подсказок больше нет
Роман

Светлана Волкова

© Светлана Волкова, 2025

ISBN 978-5-0053-7292-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана Волкова
ПОДСКАЗОК БОЛЬШЕ НЕТ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Глава 1. ДОБ ДЖИБОБ
Глава 2. КАЛИБРОВКА ПОФИГИЗМА
Глава 3. ЮЛЬХЕН
Глава 4. МОМЕНТ ВЗРОСЛЕНИЯ
Глава 5. КЭТ
Глава 6. ПРОВЕРКА СТОЙКОСТИ
Глава 7. АЛИСА
Глава 8. ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ
Глава 9. В ПОИСКАХ Г. Д.
Глава 10. ВЫЗОВ БРОШЕН
Глава 11. САБЛИНО
Глава 12. АНТОН
Глава 13. ЛИМОНАД ИДЕАЛЬНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ
Глава 14. ТЕСТ НА ПРОФПРИГОДНОСТЬ
Глава 15. GAME IS OVER

Глава 1. ДОБ ДЖИБОБ

«Когда войдёшь в класс, не стой у двери, как бедный родственник. Заходи смело, будто всё тебе знакомо. Улыбнись. Один раз, вместе с кивком головы. Больше лыбиться не стоит – подумают, что заискиваешь. Смотри прямо, а не на кеды свои, как ты любишь. Когда училка будет представлять тебя классу, огляди всех учеников. Всех, понял? Глаза в глаза. Сканируй их. Потом она разрешит тебе выбрать свободное место. Выдержи паузу. Медленно, с достоинством пройди к тому столу, за которым сидит самое симпатичное существо – не важно, пацан или девка. Выбери самого, на твой взгляд, успешного. На вопросы отвечай четко, коротко, в разглагольствования не пускайся. Не сутулься, а то сразу прилепят какое-нибудь погоняло. Хочешь быть Скрюченным? Нет? Тогда держи спину прямо, тяни лопатки к позвоночнику. А лучше, придумай себе кличку. Скажи, что в прежней школе тебя так звали. Тут уж сам, сам. Но поскромнее, без всяких Спайдерменов и Князей. И не заводи приятелей сразу, осмотрись».

Приятелей! Врагов бы не завести…

Костик снова и снова перебирал в голове слова брата. Антохе легко говорить, у него школа позади, он уже студент медицинского, красавец, все девчонки на него вешаются. А он, Костик, ростом не вышел. И брекеты эти дурацкие. Должны были снять две недели назад, но садистка-докторица настояла: «ещё пару месяцев надо потерпеть». Потерпеть! В пятнадцать-то лет! Не ей идти в новую школу, в чужой, неимоверно чужой 9-й класс. И эти «пару месяцев» для него, может быть, самые важные. Костик уже жалел, что согласился поставить себе на зубы железки – теперь он точно идеальная мишень для насмешек. И как доказать, что он не ботан и не лузер? Ну да, спортивный – подтягивается на турнике раз сорок-пятьдесят. Это если на спор. Да только кому сейчас такое интересно?

Звонок уже прозвенел, топот ног в коридоре постепенно смолкал, а Костик всё стоял перед дверью класса, не решаясь войти. Ещё, как назло, утром его облил весенней жижей подлый «жигуль», и пришлось отмываться в туалете. Взглянув на свои ноги, Костик с ужасом обнаружил, что одна брючина пестрит подтёками. Сейчас его будут разглядывать со всех сторон, домысливать то, чего не было.

Опаздывать он не хотел. Планировал прийти минут на двадцать раньше, обосноваться у подоконника и понаблюдать, какие персоны входят в класс. Но все планы были нарушены. Как говорят супергерои, «пришлось совершить утренний подвиг». Выйдя во двор, Костик наткнулся на соседскую бабушку с двумя горланящими внуками. Бабушка сбивчиво объяснила, что их Мурзость – мартовская скотинка – сбежал проветриться, залез, подлец, на дерево, слезть не может, а потому надо вызвать полицию, МЧС и пожарных – всех разом, только вот телефона у неё нет. Ветка, где сидел перепуганный гуляка, была довольно низко, снять его оказалось легко, но без боевых ран не обошлось. Кот впился когтями в спасителя остервенело и мстительно.

Сейчас же, стоя возле двери, Костик заметил, что царапина на левой руке немного кровоточит, и белый манжет рубашки уже в красно-бурых крапинах. Пошарив в портфеле и не найдя салфетки, он нащупал бандану, невесть как оказавшуюся между книгами и тетрадями, перевязал ею запястье.

– Ты чего здесь топчешься? Новенький?

Костик вздрогнул. Рядом с ним стояло непонятное существо с чёрными волосами, в такого же цвета свитере, зелёных узких джинсах и тяжёлых армейских ботинках. От существа пахло мятной конфетой и ещё чем-то кондитерским. Девочка!

– Не дрейфь! – она заглянула в класс.

«Ну вот, подумает ещё, что струсил!» Костик уже набрал в лёгкие воздуха, чтобы ответить, но она повернулась к нему всем корпусом и улыбнулась неожиданно тепло и приветливо.

– Я, кстати, Кэт.

– То есть, «кошка»? – неудачно пошутил Костик.

Девочка насупилась.

– Ну, ты заходишь? – она толкнула дверь и вошла в класс.

Костик сделал три шага в полной тишине, пытаясь вспомнить всё то, о чем накануне говорил ему брат, оглядел класс машинально, забыв улыбнуться, не увидев при этом ни одного конкретного лица, только множество глаз, будто бы с общей любительской фотографии. Показалась даже, что фотограф не убрал «эффекта красных зрачков».

– Васильчикова? Опять опаздываешь? – молодая учительница повернула голову в их сторону.

– Здрассте. Извините, Юль-Генриховна, – промямлила Кэт, направляясь к своей парте. – Вот, человече привела.

Костик почувствовал, как его перебирают с ног до головы по молекулам, изучают, принюхиваются.

– Познакомьтесь, ребята. Это ваш новый товарищ Константин Рымник, – учительница зачем-то взяла его за плечи и провела к центру класса.

Слово-то какое нашла – «товарищ»! Костик от досады сжал пальцы в кулак и до боли впился ногтями в ладонь. Он вспомнил, что ещё ни разу не улыбнулся, и на секунду оттянул уголки губ к ушам, тщательно стараясь не открывать при этом зубы и не показывать уродливую решётку брекетов.

Ребята что-то замычали в ответ.

– Как-как его фамилия? Рыбник? – переспросил звонкий голос с последней парты.

Юлия Генриховна еле заметно кивнула Костику, будто бы передавала реплику.

– Р-Ы-М-Н-И-К, – громко произнес он, стараясь, чтобы голос звучал низко и уверенно.

Публика молчала.

– Садись, Константин, на любое свободное место и вникай в задание на доске.

Мест свободных оказалось много. Ребята с любопытством наблюдали, к какой парте он подойдёт. Костик, вопреки советам Антохи, сел за пустой стол у окна, одеревеневшей рукой вытащил тетрадь и машинально принялся переписывать в нее математическую формулу на клетчатый лист. В этот момент он вообще не понимал, о чём говорит математичка, хотя алгебру всегда любил.

Минут через пять Костик немного успокоился, осторожно огляделся по сторонам, понял, что на него уже почти не обращают внимания. Начал разглядывать одноклассников. Через ряд от него сидела девочка, похожая на белку. Костик подумал, что её, наверняка, дразнят, и мысленно поместил её в разряд «безобидные твари». Туда же определил сопевшего над тетрадью худенького парнишку в круглых очках («назовём этого ботана Гарри Поттером»). В категорию «осторожно» он добавил мальчика с лицом упыря и сидящую рядом девочку с огромной копной начёсанных рыжих волос («пусть будет Рыжуха»). Блондиночку с кукольным личиком он окрестил «Барби» и ни в какой подотряд пока не определил. Бледная брюнетка в чёрном («Фея Тьмы») должна была попасть в категорию «безобидных», но в момент, когда Костик её рассматривал, она повернула к нему голову и, встретившись с ним взглядом, налилась свекольным румянцем. Глаза же девочки, большие и дикие, натолкнули Костика на мысль, что, пожалуй, в «безобидных тварях» ей не место. «Она даже симпатичная, – подумал он, – наверное…» Ему

хотелось обернуться и оглядеть парней на задних партах, чутьё подсказывало: от них исходит скрытая опасность. Он сделал вид, что уронил ручку, нагнулся за ней и, повернув голову, быстро «просканировал» незнакомые лица. Кудлатый парень, рядом с ним верзила, и ещё один, напоминающий лошадь. М-да! Контингентик!

Он вдруг вспомнил, что так и не придумал себе прозвище. Теперь, наверняка, его окрестят Рыбником. Не самый худший вариант, шут с ним, хотя совсем ему не подходит. В бывшем классе он был Костяном. Это имя тоже ему не нравилось – в сочетании с фамилией напоминало рыбью кость.

Кэт с подругой, такой же брюнеткой в зелёном свитере, смотрели на него через два ряда. Костик понял, что говорят о нём, и постарался принять как можно более равнодушный вид.

Урок, казалось, длился бесконечно. Костик спиной чувствовал взгляды новых одноклассников, вслушивался в шёпот: враждебен ли? Впрочем, было бы странно, если бы о нём не трепались. Он и не заметил, как исписал почти два листа широким размашистым почерком, который потом ещё придётся разбирать.

Прозвенел звонок. Второй урок – геометрия – должен был проходить в этом же классе. Девочки, оставив книги и портфели на столах, потянулись к коридору, с любопытством косясь на новичка. Мальчишки не спешили уходить. Костику совсем не хотелось идти на перемену, он принялся сосредоточенно колдовать над узелком банданы, то развязывая его, то вновь завязывая. На Костика таращились, обсуждали «новое человече» – он чувствовал это кожей, оттого так сосредоточенно возился с рукой, наклоняя голову чуть вбок, к окну, как будто искал дневной свет. Вздрогнув, когда его легонько ткнули в плечо, он медленно и, как учил его брат, с достоинством повернул голову.

– Привет, чувачок! – на парту присел кудлатый парень с толстыми губами. – Каким ветром к нам занесло?

Антоха угадал, что начнут именно с этой фразы. Но все братцевы уроки и напутствия вылетели из головы Костика, он кивнул и искренне улыбнулся парню. Просто так. И понял, что, наверное, сглупил, но было уже слишком поздно. Несколько пацанов глядели на Костика сверху вниз, прощупывали колючими взглядами, как мама щупает вилкой пирог – пропёкся или нет.

– Привет, – Костик снова улыбнулся.

– Откуда такой нарисовался?

– В Калининском районе раньше жили, сейчас переехали. Живём через две улицы, – он кивнул на окно, будто за стеклом можно было разглядеть его дом.

– Так там своих школ полно, почти в каждом дворе, – длинный белобрысый парень сел на стул рядом с Костиком.

– Историк у вас первосортный – Сергей Сергеич, а я на исторический буду поступать. Из— за него и выбрал эту школу.

Парни переглянулись.

– Константин Рымник, значит?

Костик снова улыбнулся и потрогал языком ненавистные брекеты.

«Много лыбишься», – саркастически шепнул ему внутренний голос.

– А ваши имена можно узнать?

Повисла пауза, потом кудлатый парень положил лапищу на его плечо.

– Я Слава Савельев, Савёха то есть, а это, – он показал на белобрысого: – Олег Насонов, Нэш. А эти красавцы – Хомяк и Джем. Кабан у нас главный, он к началу урока подойдёт.

Костик кивнул и с досадой подумал, что так вот наспех не придумает себе нового имени.

Зазвонил в кармане телефон, который он забыл отключить на время уроков. Антоха! Хочет, небось, узнать, как прошло знакомство с классом. Спасибо, брат! Костик не спешил отвечать. Мелодию звонка ставил сам Антон – композицию своего любимого Ди Джи Бобо. Пацаны никак не отреагировали, наверняка не знали такого, это только братец – меломан, любитель откапывать неизвестные композиции. И тут Костику внезапно пришла интересная мысль…

– Зовите меня Доб Джибоб, – переиначил он имя Антохиного кумира.

Ребята уставились на него с интересом.

– Это чё значит?

– Это… Как бы объяснить… Ну считайте – субкультура такая. Я не гот, не эмо, не хипстер. Я джибоб.

Костик произнёс это так спокойно и уверенно, что и сам готов был поверить в свои слова.

– И что этот «боб» выражает?

Тут в тесный кружок мальчишек втиснулась Кэт.

– Ребята, чего пристали к человеку? Видите, у него бандана на руке. Это знак ихний. Я где-то слышала. Правда, Костя?

– Ну да. У панков ирокезы, у прочих пирсинг в разных местах, а у нас бандана на левом запястье.

Пацаны уважительно посмотрели на забинтованную руку Костика. Вокруг парты постепенно собрался чуть ли не весь класс.

– А в чём суть? И вообще, много вас? – пискнул за спинами чей-то голосок.

– Нас пока единицы, – важно заявил Костик, – но, если интересно, расскажу после урока.

В уши влился звонок, и учительница сердито постучала ручкой по столу, призывая всех сесть на свои места.

Враньё. Зачем оно? Отгородиться? Защититься? Да вроде не нападают пока.

Дверь отворилась, и в класс вошёл парень, взлохмаченный, румяный, чем-то недовольный. Молча кивнул учительнице, прошёл вразвалку к столу, за которым сидел в одиночестве Костик, и плюхнулся на соседний стул. С самого первого момента – с того, как он открыл дверь, как кивнул, как оглядел свой класс – стало понятно: вошёл лидер. Как там его, Кабан?

– Ты кто? – без приветствия спросил парень.

– Доб Джибоб, – как можно увереннее ответил Костик. – Из джибобов.

– Чего-чего?

Юлия Генриховна сделала им замечание. Парень перешёл на шёпот.

– Новенький? Ну, здорОво. Надо объяснять, кто я?

Костик отметил про себя, что руки тот ему не подал.

– Нет. Уже объяснили, ты Кабан, – прошептал он и значительно добавил: – Только мне всё равно.

Кабан удивлённо уставился на Костика.

– Ну, джибоб я, понимаешь. Нам пофиг.

– Ну-ка, ну-ка! – парень с интересом оглядел новичка.

– Кабанов! – повысила голос математичка. – Сколько раз повторять!

Кабанов сделал вид, что сосредоточенно пишет в тетради.

«Ещё есть время до перемены. Думай, голова, думай!» – заклинал себя Костик, но ничего как на зло на ум не приходило. Субкультуру так вот запросто не выдумаешь.

Эх, Антоха, как же нужен сейчас твой совет! И тут Костик вспомнил вчерашние слова брата: «Если сморозил чушь – импровизируй. С хладнокровным лицом».

Трель звонка, оповещавшая об окончании урока, показалась зловещей и необычайно громкой. Юлия Генриховна продиктовала домашнее задание и демонстративно позвенела ключами от класса, призывая учеников покинуть помещение. Все высыпали в коридор и сразу обступили Костика со всех сторон.

– Ну, и в чём фишка? – Кабанов бросил портфель на пол.

– Я прям еле урок досидела, – взвизгнула Кэт.

– А я втихаря в сеть залез, не нашёл про вас ничего. Как это пишется? – пробасил Нэш и облокотился на плечо Костика.

Костик снова вспомнил Антона. Ну, давай, новоявленный Доб Джибоб, импровизируй! Он сглотнул и, стряхнув с себя Нэша, совершенно спокойно подошёл к окну и аккуратно поставил портфель на белый пластик подоконника. Разорванный кружок любопытных парней и девчонок переместился следом. Здесь были все, за кем он наблюдал на уроке: девочка, похожая на белку, мальчик-лошадь, мальчик с лицом упыря, Рыжуха, Кэт, Гарри Поттер, Нэш, остальные парни и Кабан, который, как с досадой отметил Костик, так и не протянул ему пятерни.

– Фишка в том, джентльмены и… – он снова улыбнулся, напрочь забыв о брекетах, – … и леди, что *мы* ничего не объясняем. НИКОМУ и НИКОГДА. Наше общество, считайте, закрытое.

Парни засвистели.

– Гонишь!

– Отнюдь… – весомо произнёс Костик с важным видом.

Слово «отнюдь» не вызвало никакой реакции у публики, но приятно порадовало учительницу русского языка и литературы, незаметно примкнувшую к толпе. Белла Борисовна, прозванная учениками Бебелой, улыбнулась ему, как своему, что не ускользнуло от внимательных глаз Кабана, Савёхи и Нэша.

– А-а, новенький… – веко её случайно дёрнулось, и всем показалось, что Бебела подмигнула новичку. – Костя Рымник, если не ошибаюсь…

Костик кивнул.

– Познакомились уже? Ну вот и хорошо. Через пять минут жду в классе.

И тут Костик ощутил прилив вдохновения.

– Есть такой «Устав Джибоба». Священная книга, можно сказать. Суть вот в чём…

И за пять минут, оставшихся до начала урока, он поведал новому племени «по большому секрету» идеологию таинственного общества джибобов, по сравнению с которым масонство было где-то на уровне коленок, панки и рокеры нервно и завистливо курили в уголке, а готы с хипстерами вообще отдыхали. В кратком пересказе всё это звучало примерно так:

Общество абсолютно закрыто. Вступить в него можно только по высочайшему соизволению Главного джибоба. И обязательно после нехилого испытания.

Каждый джибоб берёт себе короткое имя. Вот у него, Костика, это имя Доб.

Настоящему джибобу всё равно, что о нём говорят. Он прислушивается только к словам другого джибоба (а в этой школе, как понял Костик, таковых нет).

Джибоба нельзя оскорбить. Любой, кто попытается это сделать, – смешон и ничтожен.

Джибоб не участвует в сплетнях, он выше этого.

Джибоб делает то, что хочет. Всегда.

Джибоб, если пожелает, может заполучить любую девчонку. Если девчонка не с ним, значит, он её не пожелал. (В этом месте парни одобрительно присвистнули).

Джибоб равнодушен к собственной внешности. Он красив внутренней красотой. Физическая же форма – лишь приложение к его внутреннему содержанию.

Одевается джибоб так, как ему удобно. То, во что сейчас одет Костик, – типичная джибобовская униформа.

С джибобом спорить бесполезно. Джибоб никогда и ни с кем не вступает в дискуссии. Ни по какому поводу.

Джибоба нельзя бить. У него сильные покровители. Жаль тех, кто осмелится причинить джибобу боль. Впрочем, вспоминаем сказанное ранее: джибобу пофиг.

Джибоб всегда независим. Горд и независим. Ни от кого.

Джибоб никогда не вмешивается в естественный ход истории и не лезет в дела природы. Подобно кинооператорам из «Animal Planet»: снимают, как крокодил дожёвывает косулю, сочувствуют ей, но процессу не мешают.

И вообще, джибобы – самые клёвые люди на земле.

– Вот, как-то так, – подытожил довольный Костик.

Возле окна воцарилась библиотечная тишина.

Ребята молчали, переваривая информацию. Костик оглядел одноклассников и с неудовольствием отметил, что девчонки, в основном, ростом с него, а две из них даже выше. Он распрямил плечи и инстинктивно потянулся теменем к потолку.

– Ну, по сути… – затянул Савёха, – это местами тянет на растаманов. И у хиппи чуток потырено, да?

– Не «да», – Костик чувствовал себя хозяином положения. – Джибобы – особая каста. Я вам только самую малость рассказал. Больше не просите. Пока. Не подготовлены вы ещё. Придёт время – узнаете.

– Ну а музон-то, музон какой слушаете? – вставила Кэт.

Костик был не готов к вопросу. Спасительный звонок на урок немного снял напряжение.

– Битлов, конечно, и иногда Роллингов, – небрежно бросил Костик и поспешил в класс.

Озадаченные одноклассники последовали за ним.

Шёл урок литературы. Бебела рассказывала о Байроне, о романтизме, отречённости поэта, духе свободы и инакости лорда в сравнении с постным европейским обществом начала девятнадцатого века и время от времени улыбалась Костику. Может быть, оттого, что знала, как нелегко бывает новеньким в первый день, а, может, потому, что уж больно польстил ей Костик словом «отнюдь». Смысл этого слова Костик до конца не понимал, но мама порой употребляла его, когда хотела кому-то возразить.

Ближе к концу урока ему на стол упала записка: «Мы поняли: ты – Байрон». Кэт и несколько девчонок смотрели на Костика восхищёнными глазами. Тот обернулся и заговорщицки поднёс палец губам: «Никому!».

– Я вот не врубился насчёт фасада, – ухмыльнувшись, прошептал Кабанов, внушительной спиной заслоняя Костику обзор девочек.

– О чём это ты? – переспросил Костик, напрягая мозги и вспоминая, куда его на перемене завела фантазия. Записать бы тогда сразу, да где уж!

– Ну, про внешность. Ты сказал, что джибобам на неё плевать. Что красота у них внутренняя. А морда, типа, не важна.

– Ну?

– Гну. А зачем ты тогда брекеты носишь? Если тебе пофиг, ходил бы с кривыми зубами.

Костик задумался.

– Это чисто медицинское – зубы в щёку растут. Боль не должна отвлекать от великого.

Кабан, похоже, был удовлетворён ответом, но тут сзади послышался свистящий шёпот. Это был Гарри Поттер, чьё имя оказалось Паша Потехин, – так, по крайней мере, обратилась

к нему Белла Борисовна, громко делая замечание и призывая к тишине. Минуты две все молчали, внимая байроновским стихам.

– Я вот в сети поковырял только что, – шкодливо просипел Потехин, – там сказано, что доб – это наркота такая, по типу ЛСД.

– Правда? – удивлённо обернулся Костик.

– А ну, отвянь, ботан! – пригрозил ему Кабан и, наклонившись к уху Костика, добавил: – Ты, это, если кто приставать будет, мне скажи, я разберусь.

Внутреннее чутьё подсказывало, что слова Кабана дорогого стоят. Попасть под защиту лидера, и правда, самая большая удача за день, пусть тот даже и не пожал ему руки. Но невесть откуда взявшаяся «джибобовская» гордость заставила Костика распрямить спину и с достоинством ответить:

– Да не-е, спасибо. Я же джибоб, ты забыл? Нам всё по барабану.

Бебела шикнула на них и укоризненно посмотрела на Костика: разочаровал, разочаровал!

Прозвенел звонок, и, вставая из-за стола, Кабанов вновь повернулся к Костику:

– А правда, чувак, что значит «Доб»?

Костик многозначительно взглянул в потолок. Не скажет же он, что ничего это не значит – просто первое, что пришло в голову. А пришло так: пару дней назад он заполнял анкету для поездки в языковой лагерь в Америке. Анкета была на английском, который Костику давался нелегко, из-за чего, собственно, родители и хотели отправить его в Штаты в августе. После графы «Name», с которой не возникло сложностей, шла строка «D.O.B». Мама пояснила, что это означает «Date of Birth», то есть «дата рождения». Вот так, вытащенное из закоулков подсознания это самое «Dob» и всплыло на языке Костика в момент творческого окрыления и буйства фантазии.

– Доб – это просто Доб. Понимаешь, должна же быть у человека тайна.

Кабанов подумал и согласился.

* * *

– Ну, ты даёшь, братишка! – едва сдерживая смех, сказал вечером Антон. – Как собираешься соответствовать?

Костик же был серьёзен.

В комнату заглянула мама, обеспокоенно взглянула на забинтованную банданой руку младшего сына. Тот затряс головой, мол, ничего особенного, игра. Мама не поверила, заставила снять платок, осмотрела царапину, оставленную соседским котом, побежала за аптечкой, поколдовала над Костиком, заклеила ранку пластырем.

Мама была психологом, специалистом по подросткам. Если бы братья поинтересовались её мнением, она бы заявила, что Костик инстинктивно «ушёл в свою зону комфорта». И в этой самой зоне ему действительно комфортно, хорошо, тепло, уютно. Он спрятался в раковину, установил защитный забор перед тем устрашающим «неизвестным», что ждало его в новой школе. И ещё много чего могла бы рассказать мама-психолог, но братья её не спросили, а навязчиво лезть в «детские дела» она считала педагогической ошибкой.

– Классно ты их сделал! – не унимался Антон.

Костик гоготания брата не поддержал.

– Почему «сделал»? Я почти совсем не врал, – он даже немного обиделся. – Понимаешь, Антоха, я это не затем, чтобы они меня не тронули, я, может, и правда, хочу быть таким. Независимым. И чтобы всё по барабану. Делаю только то, что хочу.

– Байрона примазали зря. Тому по барабану не было… – Антон ухмыльнулся и нырнул в свою музыку, надев пузатые наушники.

Костик подошёл к висящему на стене календарю и обвёл красным фломастером сегодняшнее число. Надо запомнить: в этот день родился новый герой – Доб Джибоб.

Глава 2. КАЛИБРОВКА ПОФИГИЗМА

Следующее утро показалось Костику восхитительным. Он впервые за неполные девять школьных лет проснулся раньше будильника, в прекрасном настроении, чувствовал себя бодрым и выспавшимся. День обещал быть сложным: контрольная по алгебре, какой-то живодёрский норматив по физкультуре, а после уроков – поездка к бабушке с дедом в ближайший пригород, чего Костик всегда старался избегать. Кому сказать – засмеют: ему уже пятнадцать, а он ещё Котёнок-Костёнок и вынужден вежливо реагировать на глупейшие вопросы типа «почему так плохо кушаешь?» да «ой, отчего ты такой бледненький?» Отец и слышать не хотел от сыновей каких-либо отговорок. «Это ваша семья», – обычно басил он. – «И никаких срочных дел в день посещения стариков быть не может».

Костик ругал себя за чёрствость, в глубине души понимал, что дед с бабкой старенькие, часто болеют и, когда уйдут, он будет жалеть, что мало с ними общался, и жить какое-то время с острым неуёмным чувством вины. Ему каждый раз было стыдно за это маленькое предательство, но поделать с собой ничего не мог – каждое посещение сидел, нахохлившись, как мокрый птенец, хлебал чай с вареньем, при любой возможности игнорировал «стариковские беседы» и призывал стрелки часов скорее доползти до десяти вечера. И был счастлив, когда наступал момент долгожданного прощания и семья возвращалась домой в Петербург.

Но даже предстоящий вечер, грозящий заунывными разговорами, долгим обсуждением жизни «младшенького», свистом чайника на плите, тиканьем ходиков и каким-то неопределённым стариковским запахом в деревянном доме не мог испортить Костику его невероятное искрящееся настроение. Внутри поселилось чувство ожидания чего-то невероятно хорошего и даже затаённое ликование. Причина? Вроде бы причин нет. И тут в его мозг постучалась догадка: он *хотел* в школу. Хотел! Такое с ним последний раз было… *никогда*.

Улыбаясь сам себе, Костик прошлёпал на кухню.

– Салют, Рымники!

– Привет-привет, джибобище! – отхлёбывая кофе, сказал Антон. – Рановато ты сегодня. Обычно тебя не добудишься.

Мама суетилась с хлопьями и молоком, отец совершал свой утренний ритуал – читал газету.

Костик сел за стол.

– Слушай, Антоха, может, мне в соцсетях ник сменить?

– Ты серьёзно?

Костик был серьёзен.

– Я думал, это у тебя так. Шутка юмора.

– Вовсе не шутка.

Антон долго и сосредоточенно смотрел на брата. Ох уж этот фирменный Антохин взгяд – в самую глубь зрачков! Костик обычно не выдерживал, но сегодня… сегодня… Сегодня другой день.

– Да, пожалуй, сменю, – Костик принялся неторопливо намазывать масло на тост. – А знаешь, почему?

– Ну почему?

– Потому что я так хочу. Джибоб свободен и делает всё, как сам пожелает.

Антон включил телевизор, уменьшил звук, чтобы не мешать отцу.

– Так тебе, братец, теперь и советы не нужны. Что спрашиваешь тогда?

Костик всё ещё смаковал своё новое состояние. Было ощущение, будто бы его вместили в другое тело. Не втиснули, а именно вместили, и там ему хорошо и просторно. Как в рубашке на вырост.

– Спрашиваю почему? Да потому что, наверное, ХОЧУ знать твоё мнение. Когда расхочу, интересоваться перестану.

– Ну-ну, – хмыкнул Антон и отвернулся к телевизору.

* * *

В школе его встретили дружелюбно. Но, пожалуй, не все. Кабан настороженно смотрел на Костика, словно раздумывая, что с ним делать. А, возможно, и *как* он, новичок, может быть полезен лично ему. Костик вновь перевязал банданой запястье, и каково же было его удивление, когда он обнаружил, что Кэт тоже пришла с забинтованной кистью. Из-под рукава её чёрного свитера торчала горчичного цвета тряпочка с нарисованными черепушками, и Костик безошибочно определил: бандана.

«Та-ак! Я уже становлюсь законодателем моды!»

Завидев Костика, Кэт улыбнулась во весь рот и махнула ему рукой.

«Не дай бог втюрилась в меня! Ещё не хватало!» Костик не понимал, как относиться к своему подозрению, а, главное, что делать, если оно оправдается. Он оглядел Кэт. Щупленькая, чёрные волосы, словно вороньи перья, торчат в разные стороны. Личико, конечно, смазливое, но зря она глаза подводит чёрным карандашом, ей не идёт. Ниже его ростом – это хорошо, но как девушка совсем не в его вкусе – это плохо. Костины мозги заработали на полную мощность: надо было придумать стратегию поведения. Но Кэт развеяла его опасения.

– Слушай, Доб. Чего посоветуешь? У меня бой-френд дуркует. Сейчас вот прислал эсэмэску, что в клубешник больше не пойдет. Там, видите ли, контингент ему не тот!

Костик облегчённо вздохнул. Но в следующее мгновение почувствовал разочарование. «Могла бы и влюбиться, что ей, трудно?»

– Катюха, понимаешь, я вот дам тебе совет, ты ему последуешь, а потом меня же обвинишь, если что не так.

– Нет, ну что ты! Ты же больше в этом понимаешь…

– Я?! В чём?

– Ну что тебе, в лом совет хорошему человеку дать? А я, чесс-слово, так и сделаю!

Костик подумал, что после упоминания о бой-френде, ему стало невероятно легко общаться с Кэт. Никакого напряжения. Отлично, друг не помешает, пусть даже в юбке. Костик взглянул на её «парашютные» штаны и усмехнулся: у этой особы, небось, ни одной юбки в шкафу. Хорошо, что в новой школе, несмотря на престижность, демократично смотрят на гардероб учеников – никакой формы, ходите, в чём удобно. А с девчонкой даже как-то сподручней дружить, когда она в штанах.

Костик вспомнил Мишку, друга по прошлой школе, с которым они с первого класса были не разлей вода. Год назад Мишка уехал с родителями в Израиль, в далёкую тёплую Хайфу. Сначала Костик ежедневно общался с другом в сети, потом переписка «сдулась», что почти неизбежно при отсутствии реальных встреч, и в конце-концов свелась к редким «лайкам» под фотографиями. Костик пробовал вернуть былое общение, но Мишка отписался: извини, мол, болтать много не могу, учёба адская. И в «Скайп» перестал выходить. Пролетел год, но заменить друга так никто и не смог. Одноклассники оставались чужими или просто приятелями. «Приятелями», но не «друзьями». Может, поэтому Костик так легко – легче, чем предполагали родители, – отнёсся к идее перехода в другую школу.

Он разглядывал Кэт и к немалому своему удовольствию находил в ней Мишкины черты. Так же шмыгает носом, такая же смешная и угловатая.

Смотрит на него широко распахнутыми глазами, ждёт ответа на свой вопрос. Какой был вопрос?..

– Твой бой-френд правильно делает, что по клубешникам не ходит. И ты не фанатей. Там разное бывает, наркота и всё такое…

– Не-е, я к дури равнодушна. Просто куда ещё пойти-то?

– В кино сходите.

– Так скачать же можно.

– Глупая, в кино целуются. Кто ж там фильм-то смотрит!

Костик поймал её одобрительный взгляд.

– Слушай, Доб, я рассказала ему про тебя. Он в полном восторге!

– Ну, значит, буду другом вашей семьи.

Оба засмеялись и пошли в класс. Костик попытался представить целующуюся Кэт. Что ж, очень даже представил, ничего сложного. Только парня вообразить не смог.

Пока все рассаживались по местам, к Костику подскочила рыжая Рита Носова и затараторила:

– Мы собираем деньги на подарок географичке. У неё юбилей. А мы её любим. По сто рублей с носа. Во как любим! Да погоди ты, не лезь в карман, за тебя уже Хомяк сдал. Я вот спросить хочу: чё дарить-то?

– Так я откуда знаю? Я географичку вашу в глаза не видел, – удивился Костик.

Носова выглядела расстроенной.

– Ну, не знаешь. И что с того? Ты же джибоб!

Костик чуть было не расхохотался. Отлично! К нему уже ходоки за советами! В очередь!!!

– Прости, я не помню твоего имени… – глядя ей прямо в зрачки, как делал иногда брат, проговорил он.

Девочка задумалась, как будто выуживала из памяти собственное имя.

– Понимаешь, я ещё не придумала… Хочу из одного слога – ну, как у тебя… Ребята наши все короткие и звучные очень быстро разобрали… А как у вас девочек зовут?

Костик соображал, симпатичная ли она. Пожалуй да, только попа крупновата.

– Ну, как зовут… По-девчачьи. Тут уж сама, подруга.

– Ладно. Так чё дарить-то? – напирала Носова.

– Да мне пофиг. Я джибоб, забыла?

Рита восторженно проводила его взглядом. Костик подошёл к парте Хоменко и со стуком положил на стол купюру, напомнив самому себе деда, забивающего доминошного козла.

– Зачем сдавал деньги за меня? Я и сам могу.

Хоменко вздрогнул от удара ладони по парте и как-то грустно произнёс:

– Я не очень в курсе. Сказали, что тебе может оказаться пофиг. А нам около двух тысяч надо. На цветы и подарок… – он виновато взглянул на собеседника. – Назови чего-нибудь, и мы ей это подарим.

Ситуация показалась Костику абсурдной, но… до чего же… он копался в голове, пытаясь подобрать нужное слово… до чего же сладкой! Вынув вторую сотню из нагрудного кармана, Костик стукнул ею об стол.

– Географичку не знаю, но долгих ей лет, подарите настенные часы, – он повернулся к классу. – Слушайте меня, бандерлоги! Хотите советы получать – спрашивайте, это ненаказуемо. Только знайте… это для тех, кто в джибобы рвётся. Джибоб живёт своим умом! Запишите это и повесьте на видном месте.

В звенящей тишине Костик уселся рядом с Кэт.

– Я тоже хочу с тобой сидеть, но здесь Марьянка обычно…

– Ничего. Если придёт твоя Марьянка, уступлю.

Только он сказал это, вошла, почти одновременно с учителем, девочка, похожая на белку. Увидела Костика на своём привычном месте, заметно ссутулилась, погрустнела и направилась к свободной парте. Костик встал.

– Садись, Марьян. Джибоб женщин и детей не обижает.

* * *

Вторым уроком была физкультура. Возбуждённые после контрольной по алгебре ученики продолжали обсуждать варианты ответов в зале, выстроившись по росту и пользуясь тем, что учитель Вадим Анатольевич – долговязый лысеющий мужчина, прозванный школьниками Ватоль, – искал что-то в своих записях и всё никак не начинал занятие.

Костик с детства был спортивным. Ему легко покорялись и шест, и кольца, и турник. Подтягивался он без труда раз тридцать, а если совсем уж попыхтеть, то сорок пять – не рекорд, конечно, но тоже достойно. Обожал спортивные игры, был болельщиком биатлона, знал правила всех зимних видов спорта («даже бобслея», как однажды похвасталась мама подруге по телефону). Сам же, когда погода позволяла, брал сноуборд, ездил в Коробицино со своими «зимними» корешами. Сейчас он с досадой подумал, что «вне сезона» их компания практически не общается. Как будто за пределами питерских гор, проще сказать – холмиков, эти люди и не существуют, выходят из своих берлог только в снежные дни, на которые петербургские широты не очень-то и богаты, и растворяются в воздухе с закрытием подъёмников по весне. Странно, ведь странно, правда? Бывает, стоишь на горе – и не наговориться, не нахохотаться, хочется поделиться всем сразу, и только осознание того, что оплаченное время катания истекает быстро, заставляет всё-таки встать на доску. Чтобы встретиться уже внизу, в очереди на подъёмник, и вновь болтать о ерунде.

Костик остро ощущал нехватку своих друзей по сноуборду, особенно здесь, в новой школе, и никак не мог найти ответ на вопрос, почему они исчезают из его жизни с появлением первых проталин. И телефоны у всех под рукой, и живут в одном городе, а как-то не вспоминают друг о друге до следующей зимы. Он даже пару дней назад позвонил по одному номеру, записанному в мобильнике как «Колян гора». Хотел просто поболтать, рассказать о переходе в другую школу, снять нервное напряжение, но как только услышал в трубке удивлённое: «Чего тебе?», быстро перевёл разговор на тему креплений для доски и, получив ненужные короткие ответы, отключился.

Дружба – понятие внесезонное. И, как сказал классик, круглосуточное.

На уроках физкультуры Костику всегда всё давалось легко. Брусья – пожалуйста, шест – не вопрос, прыжки через перекладину – и это сдюжим. Был лишь один «субъект» в спортивном зале, с которым у него никак не налаживался контакт. Имя ему – козёл. В прямом и переносном смысле. По мнению Костика, это был снаряд, специально придуманный для того, чтобы дискредитировать его как спортсмена, выставить перед всеми на посмешище и, в довершение позора, оставить синяки на бёдрах, коленях и других немаловажных для полноценной жизни местах. Красотой этой даже и не похвастаешься по-пацански, она – свидетель твоей полной немощи перед его сиятельством Козлом, знак триумфа бездушного четвероногого чурбанчика над человеком. Впрочем, в его бездушии Костик стал сомневаться. Есть, есть у него душонка! Коварная, ехидная, смакующая мальчишескую трусость. Было в этом даже что-то мистическое. Как назло, девчонкам он покорялся без особого труда: разбежались, прыгнули, оттолкнулись руками о кожистую спину монстра, приземлились на мат, фасонно прогнув поясницу. Деловто! А он, сноубордист, обычно стоит на старте долго-долго, не в силах начать разбег, нервничает, потеет, проклинает и физрука, и урок, и того, кто выдумал этот, с позволения сказать, спортивный – нет, настоящий пыточный снаряд. Потом всё-таки пересиливает себя, несётся на козла с уверенной мощью и в самую последнюю секунду словно обмякает, не в силах запрыгнуть на него, останавливается, будто перед стеной, или сворачивает в сторону, как строптивый конь, не желающий брать препятствие в конкуре. А однажды случилось ещё хуже. Он поборол

свой невероятный, почти языческий страх перед этим козлищей, оперся руками, оторвался от пола, мечтая скорей перемахнуть через чудище, но в секунду отрыва что-то подломило его локти, загасило скорость. И через миг Котик неудачно приземлился на козлиный круп, больно ударившись копчиком и заработав неприятную гематому в деликатном месте. Но самым гнусным был громкий гогот одноклассников, навзрыд, до икоты, как будто смешнее в жизни ничего нет. До сих пор стоит в ушах…

Костик смотрел на чёрного козла в зале новой школы и чувствовал, что кошмар повторяется. Так бывает в ужастиках: монстр жив, добить не удалось. Последний кадр фильма как заявка на продолжение: *I'll be back!* Грамотный сюжетный ход. Это же страшилище возродилось почти пафосно: по всему было видно, что оно новёхонькое, с фабрики, или откуда их там привозят? У Костика обострился нюх и зрение, ему чудилось, что он вдыхает запах «молодого дерматина», и глаза особо чувствительно улавливают недобрый блеск черной спины.

– Ну что, друзья, обновим снарядец! – словно в подтверждение его мрачных мыслей произнёс Ватоль.

«Обновим… Моей пятой точкой… И моей репутацией», – с грустью подумал Костик. – «Под дружеское ржание новоявленных корешей».

Он стоял почти в самом конце строевой линейки. Приступили к прыжкам. Сперва девочки – у всех получалось гладко, кроме одной, полненькой. Пацаны таращились на попы одноклассниц, хмыкали, подгоняли, словно кобылок, удалецким «гоп-гоп», потом очередь дошла и до них самих. Костик почувствовал, как взмокли ладони. Будь он проклят, козлище!

Вот в очереди перед ним три человека, два, один. И все без исключения перемахивают через ирода легко, точно и выверено, как будто играют в чехарду, и под ними мягкие спины приятелей.

– Следующий! Пошёл, пошёл! – замахал Костику физрук.

«КАКОГО РОЖНА! – закричало у него внутри. – Я ДЖИБОБ! Я не намерен делать то, чего не хочу! Это в корне противоречит принципам джибобства!»

– Вадим Анатольевич, – спокойно и с достоинством произнес Костик, отойдя в сторону к шведской стенке. – Я не буду прыгать.

– Почему? Как фамилия? – вскинул брови Ватоль.

– Рымник. Я новенький.

– Нога болит?

– Нет, не болит, – Костик выдержал интригующую паузу. – Я не хочу.

Кто-то присвистнул, девочки зашептались.

– Мало ли, что ты не хочешь! – физрук почесал пузо под футболкой. – Давай. Толчковой! Я подстрахую, не боись!

Костик присел на скамью.

– Я не боюсь. Я просто не делаю того, чего не хочу. Это мой принцип.

– Он джибоб, они такие! – с восхищением подала голос Кэт.

– Да мне-то что с того, какой он боб или кто там ещё! – взревел физрук. – Двойку захотел?

– Ставьте. Прыгать сегодня не буду. Завтра – может быть…

Бросив на Костика инквизиторский взгляд, Ватоль поспешил к столу, заваленному рулонами бумаги, пружинами от эспандеров, какими-то пакетами, сдвинул пятернёй весь этот хлам и открыл классный журнал.

– Ты думаешь, малец, физкультура это так, не главный предмет, можно наплевать? Ну-ну!

По шевелению его правого локтя Костик понял: физрук что-то торопливо и размашисто пишет.

В зале стояла тишина, ребята смотрели на новичка с уважением.

– Слушай, Костян, – прошептал Потехин. – Ты это, не ссорься с ним. Двойку в четверти влепит, как пить дать, а она тебе всю картину подпортит.

– Да я не ссорюсь ни с кем. Джибобы – мирное племя. Мы просто не терпим насилия над личностью в любом виде, а то, что сейчас происходит, – самое, что ни на есть, насилие. Не всегда удаётся делать в жизни только то, что хочешь, но что НЕ хочешь – уж точно НЕ делаешь, понимаешь? Ты свободен вот здесь, – Костик стукнул себя по груди. – Вот и вся философия. Проще простого.

Несмотря на полученную двойку и явно назревающий конфликт с учителем, Костик почувствовал себя настолько счастливым, что даже прикрыл глаза. Как он раньше не додумался до этого? Отец и дед искали эту свободу, он знал, – искали, потому что любили говорить о ней часами на кухне, ещё в старой квартире, не обращая внимания на него, маленького. А брат? Да наверняка! А всё оказалось просто: ты поступаешь так, как считаешь правильным именно в этот самый момент. Сиюминутная правда – она первична. Делай, если хочешь или считаешь нужным. Не делай, если не желаешь этого! Принимай решение, коли оно созрело в голове. Не принимай, ежели оно тебе в тягость. А её, тягости, и не может быть, не может! Ты – индивид и живешь по своим законам! А общество? Что ж, многие его правила вполне логичны, так почему бы ни следовать им? Найдётся что-то неприемлемое для индивида – ни секунды не задумывайся, просто иди своим путём, никому не мешая. Войны нам не надо: войны приносят дискомфорт.

Большим мыслям стало тесно в голове. Костик взъерошил волосы, оглядел зал. Девочки висели на брусьях, как мартышки, пацаны обступили турник. Ватоль понукал мальчишку, свисающего с перекладины, точно мятые выстиранные кальсоны.

Костик быстрым шагом подошёл к ним, дождался, когда сползёт вниз измождённый физкультурной пыткой «спортсмен», и, подпрыгнув, ухватился за холодную металлическую жердь.

– Рымник, можешь не стараться. Уже банан свой заработал. Вали, отдыхай, – пробасил Нэш.

Физрук кивнул очередному пацану, подзывая к турнику. Костик не отреагировал.

Хотел было сказать, мол, *в данную минуту* желает подтянуться, и попробуйте только помешайте! Но потом передумал что-либо объяснять толпе: джибоб никогда не оправдывается. И, почувствовав прилив какой-то небывалой силы, легко подтянулся пятьдесят раз. Побил собственный рекорд. Затем спрыгнул, потёр неспешно ладони, и вышел из физкультурного зала под завистливые взгляды одноклассников.

Бывают люди, в чьих головах будто заложен некий часовой механизм, который до поры до времени тикает себе спокойно, отбивает мерный такт, а потом вдруг раз – взрывается, как бомба, разнося на кусочки привычный жизненный уклад, выворачивает наизнанку мысли. И взрыв этот определяет все дальнейшие поступки и даже судьбу. Меняет, словно стекляшки в детском калейдоскопе, складывает новый рисунок. Именно это и происходило сейчас в голове Костика.

Добравшись до раздевалки, он застал там Кабана. От него изрядно несло куревом.

– Ты чего свалил с урока? – наклонившись и перешнуровывая ботинок, спросил Кабанов.

Костик отчаянно пожалел, что тот не был свидетелем его триумфа. Увы, ведь джибобы не хвастаются. Или… если они того хотят в данный момент…

– Ватоль влепил двойку.

– За что?

– Джибоб делает то, что хочет. Я не захотел прыгать через козла.

Кабанов усмехнулся.

В нём чувствовалось нечто такое, чему Костик пока не нашёл определения. Что? Сила – да. Джибобский пофигизм – безусловно. Хотя признавать последнее было не особо приятно.

«И ещё – какая-то абсолютная… абсолютная…» – Костик так и не придумал, «абсолютная» что. Просто «абсолютная». Очень точное слово, а «что» – уже и не так важно.

Спросить Кабана, почему он сам прогуливает урок, Костик не решился. «Лишние знания джибобу не нужны», – оправдал он сам себя.

* * *

Весь урок химии, следующий за физкультурой, Костик пребывал в состоянии, которое он определил как близкое к «эйфории посвященности». То есть, по ощущениям, был на пороге невероятного философского открытия – в той мере, в какой он понимал значение термина «философское открытие». Что-то неуловимое вертелось в голове, какие-то обрывки статей из толстых отцовских журналов. Там было о смысле жизни, об исканиях, о постижении самого себя. Многие понятия казались Костику слишком уж серьёзными, скучными, он не особо задумывался над их глубоким смыслом. Поэтому поверхностное восприятие просмотренных «наискосок» статей угнездилось в его сознании в виде некоего сублимированного сгустка, наподобие бульонного кубика или лимонадного концентрата, который следовало разбавлять 1:2.

Он и пытался разбавить это нечто в пропорции 1:2 теми знаниями и опытом, что накопились за его долгие пятнадцать лет, но «разбавитель», выражаясь языком химии, на котором в данный момент вещала учительница, был слишком летучим, эфемерным. Вот оно, вот! Ещё мгновение, и Костик поймает за хвост ускользающий смысл того, что пришло к нему, но – ууупс! И в голове лишь химический осадок.

Костик тряхнул головой, вырвал из тетради листок и написал крупными буквами:

«Я, Константин Рымник, нашёл формулу истинной свободы».

Подумал, зачеркнул и вывел:

«БОЛЬШАЯ КНИГА ДЖИБОБА»

И ниже в скобках:

(Калибровка пофигизма)

Первое. Джибоб свободен от всего. Единственное, что управляет его свободой – это желания. Джибоб поступает так, как он хочет.

Второе. Если джибобу в силу каких-либо внешних обстоятельств невозможно делать то, что он хочет, то ему пофиг.

Третье. Если джибобу не пофиг, то значит он так захотел.

Вот и всё.

Костик подумал было написать что-нибудь о пацифизме, но решил, что пацифизм – это уже «побочная философия», она ему просто-напросто не нужна.

Он аккуратно сложил листок и сунул в карман. Химичка гремела какими-то колбами, поминутно выводя многоярусные формулы так, что на доске уже не оставалось места.

Прозвенел звонок. Класс зашумел, собирая портфели, и разделился на две равные группы. Первая ринулась в коридор, вторая обступила Костика.

– Доб, слушай, а ваши давно существуют? – спросил Слава Савельев, у которого из головы всё не шёл эпизод в физкультурном зале.

– Наши?

– Ну, джибобы.

– Да-а! – Костик картинно поднял глаза к потолку. – С древности.

– А вы все так подтягиваетесь?

– Практически. Сила в том, что когда ты поступаешь так, как хочешь, а не как тебе велят, ты можешь намного больше, чем думаешь.

– Ну, ты же не можешь делать только то, что хочешь.

– Почему?

– А учителя? Вот назначат тебя сегодня дежурить, что тогда?

– А кто сказал, что я не захочу?

– А контрошу писать тоже захочешь?

– Может, и захочу. А нет, так мне пофиг – напишу и забуду.

Озадаченные одноклассники молчали. Савёха не унимался:

– Так уж прямо всё по барабану?

Костик вдруг подумал, что должна быть какая-то тайна. Пускай одна-единственная, малюсенькая, но такая, чтоб заинтриговала!

– По правде сказать, есть кое-что…

Все обратились в слух.

Костик проколол Антохиным фирменным взглядом всех, кто смотрел на него, помолчал загадочно и произнёс:

– Сила, пацаны, в том, что есть одна ма-а-а-ленькая штуковина, которая джибобу НЕ ПОФИГ.

И, выдержав театральную паузу, уже направляясь к двери, бросил через плечо:

– Но не всё сразу, бандерлоги, не всё сразу… Придёт время – узнаете.

* * *

Учебный день подошёл к концу. К Костику больше с вопросами не приставали, лишь уважительно смотрели в его сторону. Один только Кирилл Кабанов не обращал на него внима-

ния. Костик подметил, что это немного ослабляет чувство триумфа. И сразу же отругал себя: истинного джибоба не должно волновать подобное. Впрочем, может, Кабан тоже… своего рода джибоб. И ему пофиг всё, включая Костика? Но что-то подсказывало ему, что он ошибается: Кабану далеко не всё безразлично.

Спускаясь на первый этаж, Костик не удержался и заглянул в физкультурный зал. Было пусто, и неубранные маты, согнутые пополам, валялись на полу, как морские котики на берегу. Костик подошёл к козлу, задвинутому в угол, погладил его блестящую дерматиновую спину, потрепал воображаемую холку.

«Спасибо, брат. Ты даже не представляешь, что сделал для меня сегодня!»

Выйдя на улицу и вдохнув весеннего воздуха, Костик понял: мир изменился. Да, конечно, он изменился ещё вчера, в первый его день в новой школе, но сегодня… Сегодня вместе с миром изменился и сам Костик. Он вытащил мобильный и позвонил отцу.

– Пап, я не поеду к старикам. Просто это через силу, понимаешь, а я не хочу что-либо делать через силу. Когда соскучусь, приеду к ним сам. Один, без семейного табора. Обязаловки больше не будет.

Отец что-то говорил в трубку резко и экспрессивно, Костик вежливо и внимательно слушал. Никакого хамства теперь от него не дождутся, никто не выведет его из себя. Ни нотациями, ни провокациями. Ведь война – это что? Дискомфорт!

– Да, пап, я согласен, я чудовище и плохой сын. Но отныне я буду делать то, что считаю нужным. И так теперь будет всегда.

Дождавшись, пока отец сам повесит трубку, Костик улыбнулся талому снегу и лужам, и уличной грязи, ещё раз прокрутил в голове эпизод с козлом на физкультуре, достал смятый листок «Большой книги джибоба» и приписал:

«ГЛАВНАЯ ТАЙНА:

Джибобу пофиг всё, кроме лосей».

Ведь не писать же «козлов». Не поймут.

Глава 3. ЮЛЬХЕН

Кирилл Кабанов сидел в кабинете математики и разглядывал учительницу. С каким-то злорадным удовольствием отметил, что лак на указательном пальце её правой руки немного облупился. Знает ли сама? Наверное, нет, потому как этим самым пальцем перед его носом так и машет. Интересно, что будет, если взять и заявить: «Юлия Генриховна, а чё, ковырялись где, что ли, раз ноготь обшарпан?» И на реакцию её посмотреть. Заткнётся тогда сразу, подавится педагогической своей речью. Ведь каждое утро в школу приходит вся такая чистенькая, намарафеченная, с причесоном, блузку или платье два раза подряд не надевает. А шмотья-то мало, экономно живёт. Девчонки вычислили, через какой промежуток времени она снова тот же блузон напяливает, но уже с новым шарфиком. Будто бы не догоняют все, что в старом пришла. Престижная школа – чтоб её! – надо соответствовать. А и правда, взять вот так и сказать про лак. И потом поржать с пацанами.

Кабанов откинулся на спинку стула и стал откровенно рассматривать математичку. Грудь-то есть, конечно, но «не айс». Другое дело – новая англичанка, вот там буфера! А это – мышь серенькая. Да и старая к тому же. Кабанов попытался прикинуть, насколько старая. Вспомнил: её племяш учится в седьмом, дебил полный, так говорил, что ей в августе будет тридцать. Старуха.

– Кабанов! Да ты не слушаешь меня совсем! – возмутилась Юлия Генриховна. – Ну что мне с тобой делать?!

– А чё, есть варианты?

Он хмыкнул и пожалел, что рядом нет другана Славы Савельева – Савёхи, уж с ним бы такие реплики вместе выдали, хоть на камеру снимай и в сеть выкладывай! А так настроения не было шевелить мозгами: в классе они с математичкой вдвоём, публики нет, никто не оценит.

Фамилия у неё – Герц. Немецкие корни, вот и отчество – Генриховна. Да и в Мюнхен к какой-то тётке своей катается каждые летние каникулы. В школе её называли «Юльхен» – нарочито, на немецкий лад, причём не только ученики, но, как слышал недавно Кабанов, и физрук тоже. До этого дня она была просто училкой, не более, но теперь Кирилл чувствовал: нарывается, дура. Вот сейчас доведёт его и получит пятиэтажный словесный оборот. Потом опять всё по отработанному сценарию – мать к директору, та неделю гундосить будет, в кого он такой уродился, моделировать, какой был бы, если бы кобелино-отец не бросил их. Слушать невозможно! Да и директор мозги вскроет, это уж стопудово. Ну, и по-новой: опять уроки, Кирилл снова будет хамить. Кто его выгонит-то, мать тут спонсорством балуется, завуч и свита прикормлены. Так что, как ни крути, ты – полный ноль, Юльхен.

Юлия Генриховна замолчала и спрятала прядь волос под заколку на затылке.

– Пойми, Кирилл, девятый класс – показательный. Ты способный мальчик, но твоё поведение ставит под сомнение переход в десятый. Я буду поднимать вопрос на педсовете…

«Вот дрянь! Да педсовет тебя одним пальцем, у матери такие связи, тебе и не прикошмарится!»

– Ну, Юль-Генриховна! А чё сразу я крайний-то?

– Кабанов, ты издеваешься?

«Издеваюсь?! Ты, милаша, ещё не догадываешься, как несладенько бывает, когда Кабан издевается!»

– Да чего вы все ко мне привязались? – Кабанов повернулся на стуле и сел к ней вполоборота, скрестив руки и всем видом показывая, как надоел ему весь этот разговор.

– Вот опять хамишь, Кирилл. Ты слушаешь меня, но не слышишь. Я-то переживу, не впервой, но то, как ты вёл себя на встрече с делегацией от Кировского завода, это же неприкрытое… – она осеклась, увидев свой облупленный лак на ногте и быстро спрятала руку.

Движение не осталось незамеченным для Кабанова. Он усмехнулся и принялся демонстративно искать что-то в айфоне.

– Я, кажется, к тебе обращаюсь, – устало произнесла Юлия Генриховна.

– Да пошли они! Будто я к ним в рабочий класс записался! Вы тоже даёте, – нараспев протянул Кабанов, не отводя взгляда от светящегося экрана. – Привели шушеру какую-то, вот если бы, к примеру, Газпром пришёл…

– Убери телефон, когда я с тобой разговариваю! – отчеканила Юльхен.

– Это не телефон, а айфон, – медленно, словно беседовал с маленьким ребёнком, произнес Кабанов, продолжая как ни в чём не бывало водить пальцем по экрану.

Юлия Генриховна машинально перебирала математические пособия, лежащие на столе, тетради, какие-то листки, зачем-то перекладывая их слева направо. Нервничала?

– Кабанов, я устала твердить тебе об одном и том же. Ты когда хочешь нахамить кому-нибудь, считай до десяти. Медленно. А потом уже открывай рот. Увидишь, совсем иначе всё будет. До десяти, медленно, запомнил?

Ну не идиотка ли? Точно, сейчас нарвётся: он досчитает до десяти, раз уж так она хочет, и выскажет ей всё, что думает. Особым изысканным матерком, о существовании которого даже русичка с её филфаком не догадывается.

– Кирилл, я понимаю, трудный возраст и всё такое…

– Э-э, нет, Юль-Генриховна, вы так с мамашей моей разговаривайте, я вас не понимэ.

– Ладно, Кабанов, – она ещё держала руку с неидеальным ногтем где-то под столом. – Буду говорить с тобой так, чтобы сразу понял. На Спартакиаду в июне ты не поедешь. Это моё решение. Я всё сказала.

Кабанов оторвался от экрана и уставился на математичку. Это что сейчас было? Чего ляпнула-то? И кому? Ему – лидеру класса? Сама хоть просекла? Он нервно бросил айфон на стол, тот проскользил, как хоккейная шайба, и остановился у самого края стола. Савёха бы оценил этот айсинг.

– Не по-о-онял!!!

Юльхен запихивала тетради в толстый портфель.

– Всё ты понял, Кабанов. Никуда не поедешь. Может, хоть это научит тебя чему-нибудь. Когда нормально будешь с людьми общаться, тогда и поговорим. Но не в этот раз.

Да она что, совсем страх потеряла?! У неё десять жизней неистраченных?! Кабанов от возмущения растерялся, выдал какой-то мычащий звук, подавился им и начал жадно заглатывать воздух.

– Вот-вот, Кирилл. До десяти досчитай, потом мне ответишь. Только не забывай, я – твой учитель.

«Учитель?! Да ты фашистская подстилка!» – Кабанова раздирал внутренний ор. Почему «подстилка», он бы ответить не смог, но знал, что в сочетании с «фашистской» это словцо крепкое, не хуже мата. «Немецкая дрянь! Нацистка!» Сущуствовал ещё набор острых словечек, роящихся в его голове и выстраивающихся в своеобразную слоёную пирамиду. Предвкушение поездки было для Кабанова единственным светлым образом в последние месяцы, о ней мечтала вся его пацанская ватага. Межшкольная спартакиада проходила в Финляндии, в Лахти, и посвящалась чему-то техническому, чему-то для старшеклассников. Кирилл в подробности не вдавался, ему грезилось, как они с Савёхой и пацанами слиняют в первый же день на рок-фестиваль в Хельсинки. Финка! Свобода на несколько дней! Отсутствие надзора предков! Да,

вообще, полная бесконтрольность! Какой же кайф! И сейчас недоделанная математичка хочет лишить его всего этого?!

– Да не имеете права!!! – заорал он ей в лицо. – Вы кто такая, чтобы решать?!

– Я твой учитель, – с достоинством, но всё же, как ему показалась, немного испуганно выговорила Юльхен. – В январе всем было сказано: по окончании учебного года спонсоры возьмут только самых лучших. И успеваемость здесь не первична. Мы смотрим на поведение прежде всего. За тебя же, Кабанов, стыдно будет перед финнами.

– Да моя мать… Да как только она узнает!.. – он еле сдерживался.

– Она уже знает. Я звонила ей сегодня.

Кабанов сжал кулак так, что тот побелел, и со всего маху стукнул по столу. Юльхен вздрогнула и выронила портфель. Тетради полетели на пол, но как-то почти бесшумно, деликатно, словно старались остаться незамеченными и не испортить выразительную сцену.

– Решение принято, Кирилл. Ты сам виноват.

Он понял, что сорвался и кричит на неё, уже на пути к выходу. Чёртова кукла! Старая мерзкая дебилоидная корова! Кабанов с силой толкнул дверь ногой, та почтительно открылась и выпустила в коридор пылающего девятиклассника, словно выдавила инородное тело. Вжавшись в стул и приложив ладонь к бледному мраморному лбу, там осталась сидеть учительница математики, некогда лучшая студентка на университетском курсе, отказавшаяся уезжать в Германию ради чего-то, что, вероятно, так и не нашла в этой престижной школе.

Кабанов шёл по коридору, держа спину прямо, как голливудский гладиатор, и необъятная злость вырывалась из него рваными клочьями. Досталось несчастной корзине для мусора, отлетевшей от удара ногой в открытую дверь актового зала – не хуже одиннадцатиметрового у Роналдо – обзавидовались бы пацаны! Пробковая доска с прикреплёнными к ней рисунками школьников сорвалась со стены «с мясом», увлекая за собой часть штукатурки. Уроки давно закончились, школа была полупустой. Стайка девчушек-младшеклассниц с продлённого дня бросилась от него врассыпную, попискивая, словно мышиный выводок. Получил подзатыльник не вовремя подвернувшийся под руку пятиклассник, спешивший с большим чёрным тубусом на кружок рисования. Второй, похожий на него, и с таким же тубусом, предпочёл спрятаться за створку ближайшей двери.

Сам Кабанов напоминал себе героя компьютерной игры, проходящего по лабиринту и сметающего всё на своём пути. Надо выбрать себе правильное имя. Но это не главное. Сейчас бы разобраться с мерзкой Юльхен. Он насчитал шестнадцать грязных ругательных имён, которые мог бы дать математичке. Савёха бы придумал тридцать, не меньше.

Куда идти? Мать припрётся только вечером, да и вряд ли чем-то поможет. Пацаны наверняка уже расползлись по домам, поглощают обед. Кабанов подошёл к классу, где должен был закончиться факультативный урок английского – надеялся застать Алису Авдееву из параллельного «А», которая занимала его голову аж с сентября – с тех пор, как перевелась в их школу из другого района. Захотелось просто взглянуть на неё. Так, для боевого воодушевления. Уж больно красива. С Алисой у него «не получалось». Он не мог понять, то ли она отталкивала его, то ли подманивала. К женским уловкам Кирилл готов не был, чувствовал себя неуклюжим в общении с девчонками, но твёрдо знал одно: он лидер, а значит, Алиса-зазнайка рано или поздно будет с ним. Кабанов заглянул в дверь, но класс оказался пустым. Даже смазливой фигуристой англичанки на месте не оказалось.

Кирилл чувствовал, что злость не только не остывает, но трансформируется в нём в нечто большее. Как будто где-то внутри спрут расправлял свои щупальца. Был бы сейчас в руках тесак-автомат «Лансер» из любимой игры, ох уж он замочил бы их всех! Кого именно, Кабанов представления не имел, но список этот уж точно возглавила бы Юльхен. Как бы он полоснул

по её аккуратной блузе, а потом прикладом. Чтобы захрустело! Затем досталось бы и остальным убогим, мешающим ему жить.

Он направился в раздевалку, к досаде своей отмечая, что все «убогие», кого можно было бы поддеть, уже свалили домой. Спускаясь по лестнице, он поправил мнимую обойму, оттягивающую плечо, вставил запасной магазин и полоснул по смуглой уборщице, ковылявшей с ведром в подсобку. «Тра-та-та-та! Умри, Чёрная Мамба!» Пригнулся, уворачиваясь от автоматной очереди «чужих», прислонился спиной к стене и, выждав секунду, перебежал через лестничный марш, оставаясь невидимым для вражеских снайперов за окном. Огляделся и вновь замер, присев на корточки с поднятым автоматом и весь обратившись в слух.

Промелькнувшую в пролёте лестницы малышню (десант пришельцев) он забросал гранатами, сгруппировался, затаился за перилами, вздрогнул от взрыва и добил раненых одиночными выстрелами. Потом, встав во весь рост, повесил автомат на плечо и небрежно вытер ладони о штаны.

В раздевалке, к его неудовольствию, тоже никого не оказалось. Даже гардеробщицы. Подвиги подходили к концу, гнев помаленьку остывал в нём. Кабанов скинул «Лансер» и оставшиеся гранаты на кафельный пол, привычным жестом поправил ремень и тут заметил, что клеть учительской раздевалки открыта. Он осторожно, на цыпочках, словно боясь спугнуть зверя, вошёл в клетку. Верхней одежды на вешалках было мало, почти все учителя разошлись по домам. Кабанов вынул из сапога японский нож и стал принюхиваться. Справа нет нечисти, слева…

Ну вот же ты, мерзкий демон, вурдалак! Кабанов втягивал носом тлетворный вражеский запах и походкой тигра крался к бежевому пальто, одиноко висящему в самом конце строевого ряда крючков. Это её шкурка, Юльхенская! Он подошёл ближе и отчаянно пожалел, что и впрямь нет у него японского ножа.

Мерзкое пальтецо! Со всего маху он вмазал по рукаву и сорвал пальто с крючка – оборвалась матерчатая вешалочка. Секунды две пялился на лежащий на полу ком верблюжьего цвета, с раскинутыми в стороны, как у трупа, рукавами-руками. Зрелище это Кириллу понравилось, и он начал пинать кроссовкой пальто, видя в нём человека – сначала Юлию Генриховну, а затем и всех, кто достал его в этой жизни. Кроссовка была чистой, не оставляла следов, но материал помялся. Ударом ноги он подбросил пальто в воздух и к восторгу своему заметил, что оно, взлетев и выронив дремавший в рукаве берет, зацепилось воротником почти за тот же самый крючок, с которого соскочило. Жаль пацанов нет, уж они бы такой бросок заценили! Пальто покачалось мгновение, словно маятник, и рухнуло на пол. Ну и ладно!

Довольный собой, выпустив почти весь пар, Кабанов уже потянулся было за своей курткой, но вдруг мысль, словно заточенная спица, проткнула мозг: айфон! Он принялся шарить по карманам, а догадка закипала в нём, словно не кончилась ещё боевая игра, и так издевательски звучал чей— то «невыключенный» голос: «Посеял, идиот.» Кабан судорожно шарил пятернёй в портфеле, но нутром уже чуял: бесполезно. Тут ему «дали картинку»: класс математики, Юльхен, чёрный блестящий прямоугольник на краешке стола. Игра продолжалась – надо было вернуться в логово.

Подходя к двери класса, он прислушался: там ли ещё Юльхен? Кабанов был приучен стучаться, это инъекционно было введено в мозги учеников ещё в подготовительном классе и делалось безоговорочно всеми «на автопилоте», но в этот раз, видимо, отключились все его связи с Кабановым-школьником. Приоткрыв дверь, он увидел, что Юлия Генриховна стоит у окна спиной к нему и держит в руке его айфон. Кирилла она не видела, увлечённая какими-то

своими думами. Он неслышно вошёл, прикрыл за собой дверь и зачем-то сделал шаг в сторону, где его скрыла стоящая на треноге огромная белая доска, исчирканная маркером.

Юльхен вздохнула громко и тяжело, он услышал это из засады. Засады? Игра давно закончилась, Кабанов ощущал себя просто Кабановым, стоящим за доской, и никем больше.

Повертев в руках айфон, Юлия Генриховна судорожно набрала номер.

– Дима! Это я, Юля. Только не бросай, пожалуйста, трубку! Пожалуйста! Я звоню с чужого телефона, потому что на мой ты не отвечаешь. Видишь, что мой номер высвечивается, и не снимаешь трубку. Пожалуйста, дай мне сказать! Любимый… Любимый мой! Я бесконечно скучаю по тебе… Я каждый день возвращаюсь в квартиру, где нет тебя, и не хочу жить. Ты всё для меня, всё, понимаешь! Я не прошу тебя вернуться. Пожалуйста, просто поговори со мной!

Кабанов осторожно выглянул из-за доски и увидел, как вздрагивают от рыданий её плечи, как она старается подавить слёзы, не дать собеседнику обнаружить их. Получалось не очень правдиво, голос прерывался, ей не хватало воздуха.

– Нет, Димочка, я не плачу. Это я простудилась немного, насморк и всё такое. Я не рёва, ты же знаешь. Я сильная. Просто у меня сейчас период такой, мне необходимо слышать твой голос.

Юльхен медленно приобретала человеческие черты, перерождаясь из страшного монстра, каким ещё минуты три назад была в игре. У окна стояла одинокая, брошенная любимым женщина, хрупкая и трогательная.

– У меня сегодня был очень плохой день, директор отчитывал, да ещё и ученик обхамил. Родненький, мне надо как-то приучиться жить без тебя. Я сумею, дай мне время, но не лишай меня минутного разговора. Хотя бы раз в несколько дней!

Юлия Генриховна склонила голову и провела рукой по лицу, оставив следы туши на белом рукаве блузки. Кабанов смотрел на её спину, на обтянутый батистом тонкий гибкий позвоночник, на выбившуюся из заколки непослушную прядь каштановых волос, на изящную руку с фарфоровым запястьем, держащую айфон возле уха, и никак не мог свести воедино мысли, бурлящие в его голове. Математичка… Ей подошло бы быть училкой какой-нибудь никчёмной этики-эстетики или домоводства, или ещё чего-нибудь женственного. Алгебраические формулы на доске у неё за спиной выглядели сейчас чем-то инородным, не вписывающимся в тот мир, где пребывала она и куда впустили на полшажка Кирилла Кабанова. Ощущение невесомости её фигуры было для него новым, каким-то щемящим, незнакомым и немного странным. Как можно так унижаться перед мужиком? Даже ему, мальчишке в его пятнадцать, это казалось невероятным и даже грязным. Он бросил её, а она плачет здесь, прямо в классе… А как же пресловутая женская гордость?

Плечи математички чуть поднимались и опускались в такт словам, будто бы помогали им рождаться.

– Дима, послушай. Я не истерю, ты мужчина, ты принял решение. Какое бы оно ни было, я его принимаю. Нет, я не строю из себя святую… Хорошо, пусть это будет наш последний разговор, если ты… Я просто хочу понять, почему… Нет, не почему ты ушёл от меня, а почему ты ТАК ушёл? Два года вместе… Родней тебя у меня в жизни нет никого. Мне казалось, у нас открытые, искренние отношения. Почему же тогда ты не поговорил со мной? Да, мне было бы тяжело, но просто послать эсэмэску с извещением о том, что ты уходишь навсегда – это… я даже не знаю… это более, чем жестоко. Не удостоить даже разговором… Скажи, разве я это заслужила?

Кабанов, словно загипнотизированный, смотрел на её затылок. Совсем не так общалась с мужчинами его мать, и уж точно не так говорила с отцом, от которого постоянно что-то требовала, бесконечно оскорбляя. Тот, кто бросил Юльхен, оказался великим трусом – послал эсэмэску, и концы в воду, словно и не было ничего между ними. Помножил свою женщину на ноль. Простейшее арифметическое действие, никакой сложной алгебры. У Кабанова были

свои представления о том, что значит «жестоко поступить с женщиной», но такой вот уход даже в голову ему не приходил. Противно и подло, и будто горошину чёрного перца из супа раскусил и теперь никуда не деться от гаденького послевкусия. И стыдно за весь мужской род, за этого вот Диму и даже за отца, когда-то очень сильно обидевшего мать. В начале учебного года на Кирилла уж слишком томно смотрела Рита Носова, но он честно и открыто заявил ей, мол, не светит тебе, подруга, ничего, и надобно переключиться на кого-нибудь другого. Носова поняла, наверняка расстроилась, но не возненавидела его. Но Юльхен… Как же можно так, ТАК унижаться?

– Мне больно, Дима. И, правда, не хочется от жизни больше ничего…

Юлия Генриховна опустила руку с айфоном, продолжая стоять у окна и всматриваться в греющихся на робком весеннем солнце голубей. Проснувшаяся совесть нашёптывала Кабанову, что он тоже был жесток с ней сегодня. Ему стало до оскомины стыдно за всё, что он ей наговорил, за то, что он творил в раздевалке – подленько, без свидетелей. И ещё было невыносимо неловко за саму Юлию, за кричащее женское одиночество, за унижение, и в то же время бесконечно её жалко. Он попятился к двери, стараясь остаться незамеченным, но случайно задел что-то ногой.

Она обернулась:

– Кто здесь?

Кабанов высунулся из-за доски, боясь встретиться с ней глазами.

– Юлия Генриховна, я секунду назад зашёл, правда. У меня, – он судорожно подыскивал слова, – вот тут за доску монета закатилась.

– Монета… – она ещё не совсем понимала смысл слов извне, будто бы медленно возвращалась из своих далей, из своей «игры», совсем не похожей на «игру» Кирилла, где она, в отличие от него, не была победителем, и где было ей плохо, очень плохо.

– Я айфон, кажется, забыл. Вы не видели? – негромко спросил Кабанов.

– Кабанов?.. – Юлия Генриховна словно очнулась, взглянула на Кирилла и сразу же опустила заплаканные глаза. Ему показалось, что они у неё с пол-лица, небесно-синие, как в аниме. И подумалось: а она ведь красивая.

Юльхен села за стол, непослушной рукой сняла заколку, позволив пушистым волосам упасть на плечи и закрыть половину лица, словно отгородилась от мира шелковой завесой.

– Вот возьми, – она протянула айфон, напряжённо глядя в учебник, который, как заметил Кабанов, лежал вверх ногами.

Он взял айфон и повернулся к двери.

– Кирилл! – сдавленно выкрикнула она. – Я тут позвонила с твоего телефона… айфона. У меня, понимаешь, трубка села… Я говорила, наверное, минуты три…

Юлия Генриховна вытащила из висящей на стуле дамской сумочки кошелёк и начала рыться в нём.

– Я заплачу тебе за звонок.

– Что вы, – испуганно выдавил Кабанов и зачем-то соврал: – у меня безлимитка.

– Нет, правда, Кирилл, я не хочу, чтобы мой звонок…

– Юлия Генриховна, не надо!… А вы… Вы сейчас домой уходите?

Что он несёт? Кабанов и сам не очень соображал, только чувствовал, что внутри него притаился какой-то дикий страх: а вдруг она, и правда, жить не захочет, что-нибудь с собой сделает?

– Почему ты спрашиваешь? – Юльхен всё ещё не решалась повернуть к нему заплаканное лицо.

– Ну, я просто так. Могу помочь вот доску оттереть или ещё что.

– Спасибо, не стоит. Иди домой. Я поработаю ещё, потом сама всё сотру.

Он стоял неподвижно и впитывал каждое её слово.

– Иди, Кабанов. Правда, ничего не нужно. Сейчас придут ребята из десятого класса, буду готовить их к городской олимпиаде по математике.

Последние слова как будто его успокоили. Он сделал ещё пару шагов к двери.

– Юлия Генриховна, я… Мне ужасно стыдно, я наговорил вам гадостей всяких…

Она молчала.

– Юлия Генриховна, вы простите меня?

Кабанов и сам не осознавал, почему ему в этот момент так жизненно необходимо было её прощение, и он, затаив дыхание, ждал ответа.

Она рискнула чуть-чуть выглянуть из-за каштановой пряди.

– Простите меня! – выпалил он и метнулся в коридор.

У самой двери в класс, прижавшись к дверному косяку, стоял его однокашник – тихий троечник Глеб Хоменко.

– Ты что здесь делаешь, Хомяк? – просипел Кабанов.

– Да дежурим мы с Носовой сегодня.

Хоменко под взглядом Кирилла вжался спиной в стену, пополз боком, словно морской краб по пирсу.

– А вы там о чём говорили-то? – Хоменко изобразил усмешку.

Кабанов схватил его за воротник рубашки и притянул к себе.

– Ты ничего не слышал, понял! И Юльхен не видел после урока. А если узнаю, что болтаешь про неё – на тряпочки порежу, усёк?

– Да ты чего, Кабан!.. – испуганно пролепетал Хоменко. – Я ж могила, ты знаешь. Да и не слышал я…

Кабанов быстро пошёл прочь, стараясь не оборачиваться на Хомяка. И в этот раз был абсолютно не похож на давешнего голливудского гладиатора. Вырулив на лестницу, Кирилл увидел Риту Носову, поднимавшуюся навстречу с какими-то папками в руках.

– О, Кирюш! А нас тут запрягли в библиотеке архив перебирать. – Рита кокетливо заулыбалась. – А ты что домой не пошёл?

– Слушай, Рит, не до тебя!

Носова нарочито выпятила губу.

Ему совсем не хотелось разговаривать. «Принесла же её нелёгкая!»

– А ты куда сейчас? – проворковала Рита. – В раздевалку? Подождёшь минуту, я папки в кабинет закину и тоже свалю!

«Только этого не хватало!» – подумал Кабанов и посмотрел на Носову так, что она быстро затараторила:

– Но если у тебя дела там какие…

– Дела там… – буркнул Кирилл.

– Ладненько. Нет – так нет. Я ж так просто спросила…

Кабанов подождал, пока она исчезнет за поворотом, и спустился в гардероб.

Накинув куртку и застегнув молнию, он секунду постоял, косясь на секцию учителей. Увидел пальто Юльхен, мешком лежавшее на полу. Из рукава, словно язык большого варана, торчала косынка в мелкий коричневый цветочек, рядом свернулся клубком берет.

Кирилл поднял берет, всунул его в рукав, потом снова достал, разгладил, вложил в него аккуратно свёрнутую косынку и вновь вернул всё на место. Ему повезло – в гардероб так никто и не зашёл.

Пройдя по улице метров тридцать, он остановился, вдохнул острый мартовский воздух и улыбнулся своей новой шальной идее. Затем вытащил айфон и просмотрел список исходящих вызовов. Последний номер был незнакомым. Начиналась другая игра, не менее интерес-

ная… Он уже знал, что скажет этому козлу. Всё скажет. Только сначала сосчитает до десяти, как она его учила.

Глава 4. МОМЕНТ ВЗРОСЛЕНИЯ

Визг детворы заглушал и без того тихий голос Паши Потехина. Уроки закончились, и Костик обдумывал планы на вечер.

– Я говорю, дежурим мы с тобой! – напрягая связки, выдал Потехин.

Костик хмуро посмотрел на него.

– А заранее чего не предупредил? Сегодня никак…

– Да я-то что? Не моя это забота. Я же не информационное бюро. Моё дело маленькое – предупредить, твоё дело большое – сачкануть. Я, впрочем, и не рассчитывал, что ты присоединишься, ты ж того… джибоб.

Костик внимательно посмотрел на гарри-поттеровские очки Потехина, пытаясь уловить за ними зрачки.

– Чего молчишь? – Пашка почесал затылок.

Костик соображал, что ответить – так, чтобы звучало по-джибобски, но тут подошли Юлия Генриховна и Белла Борисовна.

– Мальчики, вам уже огласили фронт работ на сегодня? – Бебела поставила руки в боки, как заправская атаманша.

Костик и Пашка синхронно покачали головами.

– Значит так, разобрать кладовку и всё инвентаризировать. Понятно?

– Понятна только первая часть: разобрать кладовку, – Потехин поправил очки на носу. – А «инвентаризировать» – не совсем.

– Ребята, – улыбнулась им обоим Юльхен, – Надо просто переписать названия книг, журналов и альбомов, какие там есть, в тетрадку. Иными словами, список составить. Я с вами буду разбирать, подскажу, что куда.

Потехин кивнул и с любопытством взглянул на Костика – что тот ответит. Бебела, между тем, передала Юлии Генриховне ключи и удалилась в свой кабинет.

– Что-то не так, Константин? – посмотрела на него Юльхен.

– Я просто не знал, что надо остаться после уроков. У меня не так много времени.

Он не соврал. В шесть вечера должен был начаться факультатив по истории, и пропустить его Костик никак не мог.

– Я знаю, Костя, ты идёшь сегодня к Сергею Сергеевичу, – с подкупающей теплотой в голосе сказала Юльхен. – И тема на факультативе у вас интересная – Первая мировая война. Обещаю, ты успеешь. Если хлама окажется слишком много, уйдёшь, мы с Пашей вдвоём закончим.

Потехин кивнул.

Джибоб, сидящий внутри Костика тоже кивнул: опасности для идеологии нет.

– Обожаю копаться у деда на чердаке! – улыбнулся Костик. – Надеюсь, ваш хлам такой же интересный!

Подхватив портфель, он направился следом за Юльхен и Гарри Поттером в какой-то отдалённый кабинет, где длинным спиральным ключом была открыта сначала одна дверь, затем им же – дверь в смежную комнату, и, наконец, всё тем же ключом – выкрашенная белой больничной краской дверка в кладовку.

Горела всего одна лампочка, слабо освещая деревянные полки с множеством журналов, бумаг и учебников. Вездесущая пыль моментально забилась в ноздри.

– Эх, пылесос бы сюда! – резонно заметила Юльхен.

«У деда на чердаке покруче будет!» – подумал Костик, вспоминая старый дачный сундук, набитый всякой потрясающей ерундой, бабушкины соломенные шляпы в картонках, деревян-

ные игрушки из отцова детства, фанерные модели бипланов, и множество книг по медицине в толстых переплётах. На этом чердаке он мог проводить сутки напролёт, даже не вспоминая о еде и питье, пока бабушка насильно не вытаскивала его оттуда.

Здесь же такая тоска! Внушительная гора макулатуры выглядела удручающе.

Костик с Пашкой засучили рукава и принялись разгребать завалы бумаг. Юлия Генриховна под диктовку записывала названия книг и различных документов в зелёную клетчатую тетрадь.

– А почему сразу в *«Excel»* не заносите? Было бы удобнее, – важно заметил Потехин.

Юльхен рассмеялась:

– Люди, для которых мы переписываем всё это, предпочитают старые проверенные методы. Надо уважать их привычки.

Смысл слов был такой: ещё не все наши школьные динозавры освоили компьютер. Но как деликатно сказано! Пожалуй, помимо алгебры с геометрией, у Юльхен есть чему поучиться. Костик внимательно наблюдал за ней. Она была совсем не похожа на душных училок из его прошлой школы. И не потому, что моложе их, а просто какая-то другая. Ближе к народу, что ли…

Бардак на стеллажах впечатлял размерами: допотопные скоросшиватели, картонные папки с многозначительной надписью «Дело №», старые учебники и методические пособия, растрепавшиеся от времени и частого использования. Кому нужно подобное барахло? Не лучше ли взять всё и сжечь?

– Вы, ребята, наверное, думаете, почему бы не выбросить это безобразие на помойку? – прочитала мысли Костика Юлия Генриховна. – Признаться, и мне иногда такое приходит в голову. Но ведь это история школы. А к истории надо относиться с почтением.

Кому-кому, а Костику это точно было известно. Хотя, применительно к историческому хламу, можно и поспорить: жить прошлым днём он давно уже считал неправильным.

Работа шла споро и ловко – в четыре руки плюс рука пишущая. Юльхен сидела на стуле у двери кладовки, краем глаза наблюдала за ребятами и скрупулёзно заносила в тетрадь сведения о каждой папке. Но уже через десять минут Потехин закашлял и покрылся красным крапом, будто на его физиономию кто-то брызнул вишнёвым соком.

– Паша, что с тобой? – Юльхен вспорхнула со стула и пощупала его лоб.

– Ничего, Юль Генрих.. пчхи!

Гарри Поттер шмыгнул носом и протёр слезящиеся глаза рукавом.

– Почему ты не сказал, что у тебя аллергия на пыль?

– Да я… – в носу у Потехина снова защекотало, и он выдал целую канонаду чихов.

Юльхен вынула из сумочки бумажные платки, протянула Пашке. Он кивнул, сунул нос в белоснежную салфетку, а когда высморкался, это был уже не нос, а носяра – большой, густо-красный и как будто пористый.

– Пойдём-ка, дружок, скорее в медпункт, – встревоженно пролепетала Юльхен. – Да не смотри ты на меня так затравленно! Дадут антигистаминную таблетку, и все дела.

– Антиглист… от глистов, что ли? – пробасил испуганный Потехин.

– От аллергии. Давай, пойдём, – она щёлкнула застёжкой на сумочке и подвела Пашку к раковине, стоявшей в кабинете.

Он долго мыл руки, как будто тянул время, оглядывался на Костика. Юлия Генриховна поторапливала его, качала головой.

– Костя, ты подожди меня. Твой напарник сегодня уже свою смену отработал.

Когда дверь за ними закрылась, Костик попытался поставить на стеллаж объёмистый гроссбух, который Юльхен только что занесла в список. Тот никак не втискивался между жур-

налами, ему явно что-то мешало. Рядом растопырил бока малиновый альбом, не желавший делиться местом на полке. Дёрнув за его корешок, Костик опрокинул себе на голову целый ворох фотографий. Они рассыпались веером на полу, он с досадой наклонился их собрать и, по возможности, сложить по порядку, то есть по годам. Здесь были снимки разных лет – и старые, и сделанные совсем недавно. Собирая всё обратно в альбом, Костик обнаружил фотографию своего нового класса, датированную февралём этого года. Иными словами, совсем свежую, месячной давности.

Он подошёл к окну, сел на подоконник и начал внимательно разглядывать снимок.

Двадцать одно лицо. Бебела в центре не в счёт. Сорок два глаза смотрят в камеру, словно загипнотизированные. Браво, фотограф! У Костика никогда не получалось снять больше пяти человек так, чтобы никто не моргнул, а тут целый класс. Может, они роботы— андроиды? Кто-то вырубил питание, и все застыли, как в детской игре «Море волнуется раз»?

И что удивительно – все здесь, нет прогулявших или заболевших, как бывало в старой школе. Или не все? Сколько в классе по списку? Костик вспомнил, как сегодня заглянул в журнал на уроке русского – последняя фамилия «Яковлева» стояла под номером двадцать два. Значит, кого-то нет. Наверняка, Кабана.

Костик снова взглянул на снимок. Нет, Кабанов присутствует, вот он, во втором ряду справа, стоит, облокотившись на Нэша, трудно его не заметить. Кого же нет?

Глаза Костика вновь забегали по снимку, и вскоре он сообразил: двадцать второй отсутствующий – это он сам и есть. Ведь в феврале, когда их фотографировали, он ещё учился в другом классе…

Лица, лица, лица… Не всех ещё Костик запомнил по именам. Надо было фотографу нацарапать возле каждой физиономии белую надпись с фамилией! В век цифровой фотографии это сделать проще простого – пара манипуляций мышкой на компьютере, и упс: достанешь снимок через пятьдесят лет, и не надо тормошить закостенелый склероз, вот они – все те, кто прошёлся по твоей биографии, аккуратно подписанные. А в левом нижнем углу, как и полагается, – татушка даты и времени. Всё инвентаризировано и систематизировано. Идеальный немецкий порядок.

«Что ж, посмотрим на контингентик!» Костик вспомнил, как неделю назад, в свой первый день в новой школе, он разделил соучеников на два вида: «безобидные твари» и «осторожно». Сейчас он уже семь дней как джибоб, и все, кроме Кэт и Кабана, перешли в категорию «просто остальные». Была, правда, ещё Лена Приходько – загадочная девчонка с печальным лицом андерсеновской русалочки. Из-за чего-то неуловимого, чего – Костик и сам ещё не осознал – в группу «просто остальных» она не вписывалась.

Он нашёл Лену на снимке. Зелёные глазищи в пол-лица, тёмно-каштановые волосы, забранные в неизменный конский хвост на затылке, чёрный бадлон с горлышком под подбородок. Скромно и со вкусом. Костик задумался, отчего он дал ей имя «Фея Тьмы», как-то пошловато звучит, штампик в стиле «Вампирской саги». Она, пожалуй, другая. Какая? Он напряг память, силясь вытащить из неё всё, чем Лена успела напитать его мозг за неделю. Вспомнил слова мамы: «Подмечай детали. Из них складывается целое». Вот Лена входит в класс, молча кивает ему, никогда не говорит вслух «привет». На уроках отвечает сухо, но почти всегда правильно, на твёрдую четвёрку. На переменах втыкает наушники в аккуратные, почти прозрачные ушные раковины и ныряет в свою музыку. Сейчас Костику неудержимо хотелось узнать, что она слушает. Рок? Джаз? Классику? Вот было бы здорово, если бы «Битлов»… Или, на худой конец, «Роллингов»… Он постарался припомнить, что ещё знает про Лену. Пожалуй, что ничего.

Подруги зовут её «Ленчик». Что ж, вполне в девчачьем стиле. А кроме этого? Наверное, лишь одна деталь: на свою фамилию «Приходько» реагирует неохотно. Однажды даже

поморщилась, когда завуч Алевтина Юрьевна её окликнула через весь коридор. Комплексует? Не похоже. Интуиция подсказывала: очень многое предстоит разгадать в Лене Приходько, и отвертеться спасительным «да по барабану мне» никак не получится.

Так, кто там следующий в ряду пялится в камеру? Уже знакомый «пыле-страдалец» Пашка Потехин. Обыкновенный пацан, худенький, ростом с Костика, лопоухий, волосы подстрижены неровно, забором, смешной пупырышек кадыка, будто парень проглотил крышку от кока-колы. Очки круглые. И правда, ужасно похож на Гарри Поттера.

Следующая в ряду, справа от Потехина, стояла Марьяна Башкирцева, подруга Кэт. О чём может поведать её «компактное» лицо? Ну да, похожа на белку, смешной прикус, глазёнки испуганные. Кажется, вот сейчас навострит ушки, а на них самые натуральные кисточки… Да она же славная, просто мульт! Вполне вероятно, неплохая девчонка, раз уж Катька с ней общается.

Пропустив нескольких одноклассников, чьих фамилий он так и не вспомнил, Костик нашёл Глеба Хоменко – Хомяка. Что известно о нём? Что тот – троечник. И всё? Так то, что троечник, и по фотографии видать. Рот чуть приоткрыт, будто Глебик чем-то сильно удивлён, пустоватые круглые глаза. Эх, Хомяк, может быть, ты интересная личность, только вот кто даст себе труд тебя разгадывать, искать в тебе изюм? Нет ответа…

Во втором ряду за физиономией мальчика-лошади и кукольным личиком Барби, имена которых также оставались для Костика пробелом, сияли довольные рожи из свиты Кабана. Долговязый Джем с лицом упыря, хотя, как оказалось, вполне дружелюбный парень. Белобрысый Олег Насонов – Нэш… Наглый взгляд, расстёгнутый ворот рубашки, взъерошенные волосы, не знающие расчёски… Рядом Савёха – Славка Савельев, лучший кабановский кореш. Тоже кудлатый, с мясистыми губами и мощной шеей, здоровяк, спортсмен, девчатам такие нравятся. Мог бы быть лидером, если бы не стоящий рядом Кирилл Кабанов. Вот, кто вожак, к гадалке не ходи! Взгляд из-под бровей, волевой подбородок… Костик подумал, что даже голова Кабанова сидит на плечах по-особенному, не так, как у остальных, а увереннее, что ли. Не надо быть психологом, чтобы угадать и агрессию, и силу, и какое-то отрицательное обаяние. А ведь, по сути, Савёха крупнее его, да и Нэш не лыком шит, а Джем вообще выше ростом. Но даже если бы Кабан закрыл глаза и снимок не передал бы его тяжёлого взгляда, всё равно сомнений быть не могло – вот настоящий лидер. Вот кто, не прилагая усилий, притягивает магнитом внимание к правому углу фотографии, как только берешь её в руки.

Глаза перескочили на «верхний ярус», и Костик сразу наткнулся на сладкую манящую улыбку рыжей Риты Носовой. Трудно было не заметить, что у неё в этот момент одна единственная мысль в голове: хорошо выйти на фотографии и понравиться себе самой, когда получит снимок. И это ей, бесспорно, удалось. Рита вполне ничего, смазливая, хоть и крупнее сверстниц. За неделю он уже успел понять, что популярностью среди пацанов она пользуется большой и, хотя Костик не примкнул к числу её поклонников, вполне понимал: её нельзя не выделить из остальной массы девчонок. А стоит-то картинно, выпятив грудь – предмет зависти одноклассниц, – и грудь эта просто нависает над кабановской головой на фото, даже смешно. И пальчики едва касаются плеча Кирилла, как бы случайно. Метит. Что ж, ничего удивительного. Ты – лидер, тебе и лучшая грудь класса.

Пропустив несколько лиц, Костик остановился на Кате Васильчиковой. Кэт. Улыбается неестественно, лицо напряжено. Глаза смешно вытаращила, как будто её ущипнули. Полная противоположность Носовой. Покажи ему этот снимок до знакомства Кэт, Костик не поверил бы, что эта курносая девчонка станет для него другом в новом классе, пока что единственным. Нет, читать по фотографиям – бред! Это только мама с её опытом физиогномики может, а Костику такую мудрёную науку никогда не постичь, Кэт – тому подтверждение!

Дверь открылась, и вошла Юлия Генриховна.

– Отправила домой бедолагу, – вздохнула она.

Они продолжили разбор бумажных завалов, но вскоре Юльхен сказала:

– Тебе, Костя, надо собираться. Не забыл про факультатив?

– Но, Юлия Генриховна, ещё есть время, и мы только две полки разобрали! – возразил он.

– Ничего, я сама. Иди, умойся. Не следует тебе опаздывать на первое занятие. Спасибо, что помог.

«Да ей спасибо!» – подумал Костик. Обычно училки брюзжали: Рымник то, Рымник сё, а она была какая-то потрясающе неправильная, не занудная. И разбирать с ней макулатуру оказалось даже приятно.

Но время, действительно, близилось к шести, и он поспешил в класс истории.

* * *

Сергей Сергеич Андреев был невысокого роста, сутулый, носил толстые роговые очки и старомодный твидовый пиджак. Костик с самого раннего детства так себе и представлял типичного учёного. А уж Сергей Сергеич – несомненно учёный.

Костик знал его по городской олимпиаде и популярным историческим лекциям для школьников, которые иногда посещал с двумя бывшими одноклассниками. Учитель Андреев был для него непререкаемым авторитетом. Он знал неимоверное количество фактов, дат, а, главное, учил ребят проводить параллели между событиями прошлых лет и современностью. «Помните, друзья мои, – обычно говорил Сергей Сергеич, – история всегда повторяется, только в ином ракурсе, на другом витке спирали.» Факультативы, в отличие от обычных уроков, он выстраивал в форме дискуссии, чего обычно сторонился Костик. Другие же ученики активно обсуждали исторические события – как эпохальные, так и вполне проходные. Сергей Сергеич выкладывал на стол карточки с наклеенными на них газетными вырезками или распечатками статей, содержащие крайне противоположные взгляды историков, политологов, общественных деятелей на какой-либо исторический эпизод или эпоху властвования того или иного правителя. В классе вступал в силу особый закон: иметь собственную позицию было абсолютным правилом игры.

Именно из-за Сергея Сергеича Костик и перешёл в эту школу. Слава о замечательном педагоге-историке гремела на весь город, а вымирающий вид мужчин-учителей был в особом почёте. Обращался к ученикам Сергей Сергеич исключительно на «вы».

– Проходите, молодой человек. Вижу знакомое лицо. Рад, что теперь вы учитесь у нас!

Костик поздоровался, громко назвал своё имя. Сергей Сергеич пригласил его сесть. Парты были сдвинуты к стенам, а стулья расставлены в кружок – так, чтобы участники исторической дискуссии видели друг друга.

Ученики оказались разного возраста – кто старше, кто младше Костика. Но почему-то не было ни одного сверстника, из его класса или из параллельного. Впрочем, «корешиться» он и так ни с кем не собирался. Он – джибоб, а посему самодостаточен.

– Что ж, пожалуй, начнём, – сказал Сергей Сергеич. – Сегодня обсуждаем Первую мировую войну.

Он начал раздавать слушателям карточки, на которых были описаны военные и политические события, мнения историков и сведения о количестве погибших от каждой страны-участницы. Подойдя к Костику, он вдруг улыбнулся.

– У вас, мой друг, седые виски, как у ветерана.

– Это пыль, – смутился Костик и провёл рукой по волосам. – Наводил порядок в кладовке-архиве.

– Хм, похвально. То, что мы с вами пытаемся делать на нашем факультативе – тоже своего рода генеральная уборка. Пусть в микроскопическом пространстве, ограниченном стенами класса, а не в масштабах страны, но дело это очень нужное. Не вычищаешь свои «Авгиевы конюшни», не даёшь притока свежего воздуха, обновления, и ошибки истории повторяются. Невозможно объективно оценить сегодняшние события, не наведя порядок в недавней истории родной страны, пусть только и в своей голове. Но если это сделает каждый…

Сергей Сергеич замолчал, посмотрел на обвязанную банданой руку Костика.

– Вы, никак, ранены?

Ребята с интересом повернули головы.

– Я не ранен, Сергей Сергеич. Это бандана. Обыкновенная бандана. Я ношу её, потому что мне так хочется.

Костик почувствовал, как внутри натянулась струна. Джибоб ничего не должен объяснять. Потому что «должен» – не его слово.

Сергей Сергеич поднял брови и чуть заметно кивнул.

– Ваша позиция уважаема.

И, больше не заостряя на Костике внимания, продолжил беседу. Незнакомые ребята сперва косились на него, но вскоре все уже были поглощены дискуссией на тему убийства эрцгерцога Франца Фердинанда, конца четырёх империй и политической позиции России в 1914 году. Ученики – кто робко, кто смело, – пускались в рассуждения. Сергей Сергеич призывал остальных поддержать или оспорить чужую точку зрения, но свои мысли в процессе обсуждения практически не высказывал, чтобы не сбивать ребят.

Костик следил за поворотами беседы, даже пару раз что-то сказал, и учитель поблагодарил его за высказанное мнение, не оспаривая его правильности. Временами историк хмурился, но никого не прерывал. Мальчишка лет тринадцати смело выразился, что, мол, не надо было России вступать в войну. Договорить не успел, ребята постарше заёрзали на стульях, начали перебивать, кто-то постучал по лбу кулаком. Сергей Сергеич одним дирижёрским движением прекратил спор, словно поймал в ладонь все возмущённые реплики сразу.

– Но он же чушь несёт! – не выдержала девочка, сидящая рядом с Костиком.

– Друзья мои, вспомним Вольтера, – спокойно ответил историк. – Он говорил: «Я ненавижу ваше мнение, но я готов отдать жизнь за ваше право его высказать». Будем же терпимы друг к другу. У вас своё мнение, и оно уважаемо, у молодого человека – своё. И оно не менее уважаемо.

«Так он сам и есть натуральный джибоб», – подумал про Сергея Сергеича Костик. – «Только более совершенный».

* * *

Он продолжал размышлять о факультативе дома, с досадой понимая, что ему ещё очень далеко до высшего пилотажа джибобства. Из окон его комнаты был виден светофор, стоящий на длинной ноге у перекрёстка с полосатой зеброй. Он оказался первым живым – ну, или относительно живым – существом, которое Костик заметил, когда поздним вечером грузчики, наконец, подняли на этаж последний короб, и усталые Рымники повалились прямо на не распакованные вещи: переезд был завершён. Костик любил свою прежнюю комнату, оставленную в другом районе, в которую теперь вселились девочки-близняшки вместе с котом и попугаем. Там из окна были видны музыкальная школа и детская поликлиника, и маленький Костик обожал сидеть на подоконнике, разглядывать лица родителей с отпрысками и гадать, кто из них куда направляется – навстречу с Моцартом и Бахом или к участковому врачу. И почти всегда ошибался. Всё, что можно было разглядеть из окна новой комнаты, показалось тогда чужим

и враждебным, и Костик с каким-то до слёз радостным волнением обнаружил в светофоре на углу «родную душу».

У того было три «рабочих» глаза и нижняя секция для стрелки на поворот, за ненадобностью замотанная чёрным полиэтиленом. Светофор напоминал Костику его самого лет в пять-шесть, когда он для коррекции зрения ходил с заклеенным белым лейкопластырем правым глазом. Вот такое счастливое одноглазое детство, как он сам часто шутил. Это сходство сделало светофор «своим», близким, и Костик полюбил так же, как и на старой квартире, сидеть по вечерам на подоконнике и вместо лиц людей вглядываться в трёхцветные глаза нового, всё понимающего приятеля.

Вот и сейчас, размышляя о том, что произошло с ним за последние семь дней в незнакомой школе, о созданном им самим настоящем космосе, об историке и великих принципах джибобства, Костик время от времени выглядывал в окно: не подмигнёт ли ему зелёным глазом светофор. Тот не спешил с ответом – вот тебе, получи жёлтый мигающий, хватит гадать на мне, думай своей башкой, джибоб!

Мог ли Костик неделю назад предположить, чем будет занята его голова, и как кардинально поменяются в ней мысли – что там сноуборд или ролики! Вглядываясь в пульсирующий жёлтый, Костик вспомнил слова деда:

«Ты сразу поймёшь, когда детство закончится. Наступит момент – самый важный в твоей жизни – момент взросления. Ты его не пропустишь.»

И какой же он, этот момент взросления? Может быть он наступил сейчас, в эту самую секунду, когда уложились по полочкам в голове слова Сергея Сергеича, точно архивные журналы в школьной кладовке, и расчистилось место для новых мыслей – кто знает, может, и великих?

В комнату вошёл брат, и Костик в который раз отметил его потрясающее портретное сходство с дедом. Антон такой же высокий, с вьющимися каштановыми волосами и ореховыми смешливыми глазами. Как будто кто-то взял и раскрасил в фотошопе чёрно-белую фотографию молодого деда. И по именам они тёзки: дед – Антон Андреевич, а брат – Антон Валентинович.

– Ну что, братишка, о чём так сосредоточенно думается? – Антон протянул Костику пластиковую бутылочку с питьевым йогуртом.

– Антох, помнишь, дед говорил про момент взросления?

– А то!

– Так ты момент этот поймал? Прочувствовал?

– Факт!

– Когда? После какого события?

Антон присел на подлокотник дивана, спугнув примостившиеся на валике наушники, нахмурил брови.

– Я повзрослел в спортивном лагере, после восьмого класса. Это уж определённо. Не рассказывал тебе, решил: вот наступит у любимого братца тот самый момент взросления, тогда и обсудим.

– Расскажи, Антох! – встрепенулся Костик, глаза его загорелись.

– Будешь готов, сядем и поговорим, как настоящие мужики.

– Чего ждать какого-то мифического момента? Ведь всё это образно, без конкретики! – выпалил Костик. – Можно подумать: оп, вот в эту самую секунду я и возмужал. А мгновение назад был сопляком. Ерунда какая-то! Так не бывает!

– И никакая не ерунда. Это совершенно определённый момент. Просто он у тебя ещё не наступил.

– Не хочешь секретики раскрывать, так и скажи!

– «Секретики»… Да не в них дело. Просто всему своё время.

– МоралитЭ, Антох, моралитЭ! Становишься старым занудой!

Брат засмеялся и потрепал Костика по волосам. Прямо как дед!

– Вот думаю, что, может быть, я на этой неделе повзрослел. Даже скорее всего! – Костик отпил из бутылочки, оставив под носом белую метку. – Когда джибобом стал.

– «Даже скорее всего», – передразнил его Антон, вытирая младшему брату молочные усы. – Повзрослел? А помнишь, что дед говорил? Только дословно?

– Дословно?

– Он говорил: «Ты сразу поймёшь, что детство закончилось. Ты не пропустишь этот момент».

Антон встал, подошёл к окну и, проследив за взглядом Костика, заметил яркую жёлтую глазницу светофора.

– Иными словами, братишка, если ты говоришь о собственном взрослении, употребляя фразы «мне кажется», «возможно», «скорее всего», то можешь расслабиться: этот момент ещё не наступил.

И, уже открывая дверь в коридор, добавил:

– Потому что дед прав: когда он наступит, ты точно его не пропустишь. Без всяких «может».

Костик вздохнул и подумал о том, что Антон, хоть и пожил дольше на целых три с половиной года, а всё же рассуждает чересчур поверхностно. Ну какой-такой момент? Дед придумал всё это для педагогического пафоса. А взросление – вот оно, тёпленькое, состоялось неделю назад – тогда, когда родился Доб Джибоб и перевернул всё в его жизни с головы на ноги. Именно так: с головы на ноги.

– Ведь правда, трёхглазый? – обернулся Костик к светофору.

– Может-может-может, – нервно мигнул ему жёлтым оком приятель.

Глава 5. КЭТ

Вот и настал день, которого она так боялась – всё подтвердилось. Самые неприятные предчувствия родились ещё в декабре, когда Катя взбрыкнула и отказалась от путёвки в Ригу на новогодние каникулы. Отец тогда как-то подозрительно сильно огорчился, проявил излишнее беспокойство о дочери, которого за ним давно не наблюдалось. С ней, с Кэт, бесполезно спорить, Павел Петрович знал это ещё с её младенчества: любая попытка родителей настоять на своём, будь то невкусная густая каша или дневной сон, – и вот она уже плачет навзрыд, выгибает спину в коляске, будто у неё там шило, изводит и себя, и окружающих. Почему? Да просто потому, что родители так захотели. Отношения с отцом были сложные, хотя если бы о них спросили саму Катю, она наверняка бы ответила: «Нормально уживаемся. У всех предки – не подарок, мой *nanA* не исключение». С тех пор, как её мать, главный специалист по кольчатым червям университетского биофака, уехала в Хакасию изучать какой-то доисторический ползающий вид, и в одно дождливое воскресенье почтальон вручил отцу мокрый прямоугольник телеграммы, прошло ровно десять лет. В ней, в телеграмме, было всего два предложения, девять слов и сорок две буквы: «Паша, прости, я не вернусь. Позаботься о Катюшке. Надя.» Пятилетняя Катя, вполне сносно научившаяся к этому времени читать, выучила наизусть текст телеграммы, которую ошеломлённый Павел Петрович от дочки даже не прятал. Расстроилась ли она, как часто Катя спрашивала себя потом? Не помнила. Мать так часто ездила на какие-то симпозиумы и конференции, а её присутствие в жизни дочери было таким эпизодическим, что Катя не заметила каких-либо перемен в повседневной жизни: отец-бабушка-садик, снова отец-бабушка-садик. По кругу. Так, по крайней мере, утешила обеспокоенного Павла Петровича очкастая дама-психолог. Отец хотел услышать именно это, он и услышал, успокоился, довольствовался спасительным вердиктом: психика дочери особо не пострадала. Слово «особо» психолог произнесла скорее для того, чтобы обезопасить свою карьеру и репутацию, но Павел Петрович зацепился за него и ещё несколько лет подряд продолжал по субботам возить дочурку на занудные сорокаминутные беседы. Кэт была убеждена, что виртуозно обманывает даму-психолога, напяливая на себя маску безразличия и спокойствия. О матери она специально ни с кем не заговаривала, но если кто-то начинал неделикатно задавать вопросы, ровным голосом отвечала: «Нашла себе червя по душе, создала с ним новую семью. Абакан, на мой взгляд, не самый удачный выбор для гнездовья, лучше бы Лондон какой-нибудь или Париж, но и в Абакане тоже, видимо, как-то живут». И улыбалась при этом непринуждённо и обезоруживающе. А что на самом деле творилось в её душе, ведомо было лишь ей одной.

Отец поначалу горевал, то бросался фанатично исполнять любые желания дочери, боясь ей слово поперёк сказать, то вдруг остывал, и Катя оказывалась предоставленной самой себе и бабушкиному воспитанию. Оно, это воспитание, впрочем, получалось однобоким: забрать девочку из сада или школы, накормить, проследить, чтобы больше часа за компьютером не сидела. Кэт бабушку милостиво терпела как неотъемлемую данность, но авторитетом не считала. Мать никак не проявлялась в жизни дочери, но однажды год назад Катя подслушала, как отец говорил полушёпотом, прикрывая телефонную трубку ладонью: «Всё хорошо, Надь. Нет, не болеет, учится нормально. Глаза на твои похожи». Кэт в тот день сорвалась, нахамила бабушке из-за ерунды, что случалось крайне редко, заперлась с книжкой в комнате, проревелась. Наутро же убедила всех, а, главное, себя (и совершенно искренне), что это просто очередная «Вампирская сага» на неё так подействовала. С той поры и начала подводить глаза чёрным карандашом, укрупняя и меняя их контур, чтобы были похожи на отцовские. Только на отцовские! И стрижку сделала «под пацана», и юбки заменила штанами двух цветов: либо чёрные, либо зелёные. Так ей захотелось. Но на женском кокетстве всё же крест не поставила – эта штука из приятных!

Три месяца назад отец достал путёвку в рижский подростковый лагерь с «уклоном в фотоискусство». Помимо отдыха, для ребят были организованы курсы по фотографии и фотошопу, – что может быть лучше для двух недель зимних каникул! Предполагалось, что в лагерь поедет и Олег, Катин друг. «Бой-френд», как она любила его представлять приятелям, хотя на самом деле никаким бой-френдом он ещё не был. Кэт понимала, что нравится Олегу, рядом с ней ему всегда становилось легко. Она читала запоем, намного больше него, и, что самое ценное, пересказывала книги так интересно и красочно, будто фильм голливудский крутила. И самому читать было после этого совсем не обязательно. Он тянулся за подругой, старался ей соответствовать, хотя и учился намного лучше, правда, в другой школе, «попроще». Но когда на одной чаше весов оказалась Кэт с фотокурсами в Риге, а на другой – Таиланд с предками, то перевесил, к Катиному удивлению, всё-таки Таиланд.

Она дулась неделю и заявила отцу, что ни в какую Ригу не поедет, а останется дома, и давить на неё бесполезно.

Вот тут-то неожиданно и проявилась навязчивая, необычная забота отца. Уговоры и увещевания Катя пропускала мимо ушей, настороженно выискивая доказательства зародившемуся подозрению: отец хочет сбагрить её на все праздники. Нет-нет, безмерная любовь к дочери здесь ни при чём. Чутьё подсказывало Кэт совсем иную причину. Неужели женщина?

* * *

Пару лет назад уже было такое. Павел Петрович завёл одну кралю на работе. Она была новенькой сотрудницей в офисе их логистической компании. Красивая, ничего не скажешь, холёная. Отец долго подбирался к Кате с разных сторон, действовал грамотно: заочно формировал положительный имидж своей пассии, привлек в поддакивающие сторонники бабушку. И такая, мол, Люсенька добрая, вот вафельки для Катюшки передаёт, и умница – вся контора на ней держится, и хозяйственная. А самое удивительное совпадение – это то, что Люсенькина фамилия – угадайте – Васильева! Васильчиков и Васильева, ну не забавно ли!

– Это знак, – говорила, причмокивая, бабушка.

Кэт отмалчивалась, но на очередной пассаж по поводу удивительного сходства фамилий, бросила отцу:

– Пап, а давай я ей просто в паспорте лишние буквы дорисую – будет Васильчиковой. Ей ведь невтерпёж, да? А рисую я классно, ты же знаешь!

Павел Петрович на иронию дочери не отреагировал, а вскоре зазноба его пришла к ним домой на ужин.

Катя была предельно вежлива, болтала о ерунде, подливала гостье чай. Та обрадовалась, расслабилась, перестала стесняться дочери своего любовника и, накрыв ладонью пальцы Павла Петровича, выразительно произнесла:

– Я знала, что мы подружимся. Ты хорошая девочка, Катя. Мы с твоим папой часто о тебе говорим.

«Хорошую девочку Катю» больно укололо это «мы». Она молча допила чай с ненавистными вафлями, так и не смирившись с этим «мы с твоим папой», поблагодарила за приятный вечер и удалилась в свою комнату.

Павел Петрович позже заглянул к ней, хотел по старой привычке убедиться, что дочка заснула, и не сразу понял, что с Катей что-то не так. Подошёл ближе и обмер: лежит бледная, одеяло сползло. А рядом пузырёк с бабушкиным снотворным.

Приехавшая «скорая» откачала Катю довольно быстро, но ей пришлось почти неделю пробыть в больнице. Сейчас она смутно помнила происходившее, будто не два года прошло,

а целая вечность, и память успела стереть, выбелить, вытравить события той ночи. Бесконечные вопросы врачей, умник-психиатр в старомодных роговых очках, заплаканная бабушка и серьёзный, постаревший отец.

О попытке отравления Кэт позже говорила: «Ой, дура была. Ну, натуральная дура!» Она не понимала суеты вокруг неё: обязательные посещения детского психологического центра на Благодатной улице, еженедельные звонки отцу от какой-то тётки из попечительского совета. Зачем? Катя ведь не самоубийца, нет, она и о смерти-то не думала, а таблетки съела, потому что… потому что… Да она и сама не знает, почему.

Павел Петрович больше никогда не упоминал о милой коллеге Люсеньке. Да и самой Люсеньки в его жизни тоже больше не было.

Катя не часто размышляла о произошедшем. Отца она любила, но о том, может ли он когда-либо стать счастливым с другой женщиной, не задумывалась. Ему мало матери? Он хочет новой боли? Разве не обязаны близкие уберечь от неизбежной беды? Нет-нет, это вовсе не подростковый эгоизм, это элементарный инстинкт – сохранить семью!

И вот наступил злосчастный декабрь, когда Кэт объявила о том, что на каникулах останется дома. Бабушка предприняла попытку уговорить её, ссылаясь на красоту рождественской Риги. Отец же, в подобных случаях обычно вяло соглашавшийся с бабушкиными доводами, на этот раз чуть ли не ежедневно атаковал Катины мозги, выдавливая из неё согласие на поездку.

«Спихнуть меня пытается», – постоянно думала Кэт, и от этих тягучих мыслей её знобило.

Каникулы прошли скучно и незаметно. Павел Петрович ходил понурый, почти не разговаривал, а на все вопросы у него находилась лишь одна отговорка: «Устал на работе».

Кэт валялась с книжками на диване, смотрела фильмы, гулять почти не выходила и даже по телефону с подругами не трещала.

После Нового года школьная суета целиком поглотила её, и только спустя два месяца Кэт вновь заметила некую странность в поведении отца. В первую очередь, он неожиданно полюбил вечерами выгуливать Бубу, их бело-рыжего английского бульдога, выклянченного Катей год назад. Прогулки были ежедневной Катиной обязанностью, ведь это её собака, да и купили пса только после клятвенных заверений, что выгул будет полностью на ней. А тут вдруг:

– Доча, повторяй лучше уроки, чего тебе в слякоть выходить? И поздно уже, что ж я, плохой отец – дитя на улицу гнать! Да и на воздухе мне следует бывать чаще, врач рекомендует.

Катя сначала обрадовалась такой инициативе, потом призадумалась.

– Пап, хочешь, вместе сходим?

– Ничего-ничего, я справлюсь. Вон и мокрый снег пошёл. Сиди дома, в тепле, а мы с Бубой быстренько.

«Быстренько» оборачивалось сорокаминутной прогулкой. И отец, и собака возвращались бодрые, оба в прекрасном настроении, пёс оттого, что дали набегаться всласть, Павел Петрович по какой-то другой, настораживающей Катю причине.

Во время одной из таких отлучек «по собачьим делам» чутьё толкнуло Кэт набрать номер отцовского мобильника. Было занято. И через пять минут, и через десять. Когда Павел Петрович вернулся, дочь, принимая у него в прихожей поводок, как бы мимоходом обронила, мол, хотела попросить купить в ларьке сок, но до тебя дозвониться нереально, как в Кремль. Павел Петрович отшутился, что замучил дядя Коля с дачи по поводу продажи гаража, звонит каждый день, спасу нет.

Всю следующую неделю, уходя с собакой, отец заранее интересовался, не нужно ли дочке что-нибудь купить по пути.

Из окна их квартиры был виден лишь угол собачьей площадки, но Кэт намерено вышла на лестничную клетку, где обзор шире, и увидела отца, вышагивающего с трубкой у уха.

Дабы подтвердить свои тревожные догадки, Кэт сделала то, что обычно входит в примитивный набор поступков ревнивых жён: когда Павел Петрович отправился в душ, схватила его телефон и принялась лихорадочно в нём копаться. Ей было стыдно, но поделать с собой она ничего не могла, лишь оправдывалась: «Он же мой папа, у нас никогда не было секретов друг от друга».

Предчувствия оправдались. Как она и предполагала, никакого дяди Коли с гаражом в «исходящих» и «входящих» вызовах и в помине не числилось. Зато были многочисленные разговоры с абонентами «Маша мобильный» и «Маша рабочий». В отличие от гулящего мужа, незадачливому Павлу Петровичу и в голову не приходило шифровать номер подруги под другим именем.

Катя заперлась в комнате и принялась отчаянно соображать, что делать с добытой информацией. Отец виделся ей предателем, разрушителем всего того, что было выстроено между ними. Она ощущала себя маленькой, брошенной всеми девочкой, никому не нужной, забытой. Ненависть к незнакомой Маше, воровке, крадущей у неё отца, гнездилась глубоко, по ощущениям, где-то в районе диафрагмы, ныла, скребла куриной лапкой нутро, впрыскивала в организм едкий яд. Катя пыталась не заплакать – не получилось. Ночь она провела без сна, закутавшись с головой в одеяло и баюкая своё горе.

В школе Кэт оставалась для всех прежней, иронично-шутливой. Круг общения же сократила до одного лишь новичка Кости Рымника, который выгодно отличался от одноклассников тем, что, во-первых, ничего о ней не знал, ни плохого, ни хорошего; а во-вторых, принадлежал к какому-то интригующему не то братству, не то клубу. Говорить с ним о своей беде Катя не решалась, но то немногое, что она успела понять из его мыслей и принципов, отчасти смягчало ситуацию. О чём там говорил этот странный мальчик с красивым ником Доб Джибоб? Слушай битлов, и будет тебе счастье? Кэт, считавшая «Битлз» музыкой молодящихся стариков, всё же пару вечеров просидела в наушниках, и ей даже показалось сперва, что на сердце полегчало. Но спустя пару дней снова стало отчаянно гадко. Спас альбом Земфиры, вытащил из болотной бездны. Но в сердце таился холод, а присутствие где-то рядом с отцом ненавистной Маши казалось неотступной катастрофой, равносильной смерти.

Кэт ещё раз залезла в телефон отца и переписала оба Машиных номера. Долго ходила по комнате с мобильником в руке, глядела на экран, словно ждала чего-то. Сердце тяжело ухало по центру грудной клетки – как раз там, где оно украшало анатомический манекен, живущий в кабинете биологии. Пересыхало горло, не помогала даже кола. В пластиковую бутылку она добавила немного отцовского рома. Так иногда делали подруги – «вместо успокоительного». Но спокойствие не приходило. Катя отхлёбывала из горлышка большими глотками, ёжилась в двух шерстяных свитерах, борясь с ознобом, и всё теребила телефон. Наконец, она решилась и непослушными пальцами набрала «Маша мобильный». Три гулких удара сердца, и… «Абонент временно недоступен». Кэт взглянула на часы: было около восьми вечера. Поздновато для работы, но всё же стоит попробовать…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.